

БИБЛИОТЕЧКА
«НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА»

НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ЛЕНИЗДАТ
1985

Не уйти от ответственности. /Сост. В. А. Беляков, НЗ8 М. Е. Скрыбин. — Л.: Лениздат, 1985. — 64 с., ил. — (Б-чка «На страже закона»).

О многообразной деятельности работников прокуратуры по правовому воспитанию трудящихся, предупреждению и профилактике правонарушений, борьбе с преступностью и тунеядством.
Сборник рассчитан на массового читателя.

Н $\frac{1203150000-350}{M171(03)-85}$ 31—85

67.99(2)116.1

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Наталья Головки.</i> БЫТЬ ХОЗЯИНОМ	3
<i>Лев Островский.</i> РАЗВЕДКА БОЕМ	15
<i>Валерий Волков.</i> КЛЮЧ С ДВУМЯ БОРОДКАМИ	31
<i>Юрий Кириллов.</i> ДВА ДЕЛА ИЗ ПРАКТИКИ СУДЬИ ДЬЯКОВА	50

НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Составители: *Виктор Александрович Беляков,*
Михаил Евгеньевич Скрыбин

Заведующий редакцией *Ю. К. Хрящев* Редактор *И. Г. Турундаевская*
Художник *А. В. Сергеев* Художественный редактор *И. З. Семенцов*
Технический редактор *И. В. Бuzдалева.* Корректор *В. Д. Чаленко*

ИБ № 3144

Сдано в набор 24.06.85. Подписано к печати 30.09.85. М-17744. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-
отт. 3,78. Уч.-изд. л. 3,96. Тираж 100 000 экз. Заказ № 42. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

БЫТЬ ХОЗЯИНОМ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Ненастная ночь, таинственно и бесшумно крадущиеся тени, чей-то пристальный взгляд, столь же холодный, как и лезвие ножа, блеснувшее на мгновение, короткая вспышка выстрела, погоня...

Сразу спешу предупредить: ничего подобного любители детективных «закруток» здесь не найдут. Не найдут потому, что речь пойдет о работе отдела общего надзора прокуратуры.

«Задачи общего надзора. Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами и гражданами с тем, чтобы:

акты, издаваемые указанными органами и организациями, соответствовали Конституции СССР, конституциям союзных республик и конституциям автономных республик, законодатель-

ным актам СССР, союзных и автономных республик, а также постановлениям Совета Министров СССР, Советов Министров союзных и автономных республик;

точно и единообразно исполнялись законы должностными лицами и гражданами» (статья 22 Закона о прокуратуре).

Суховато? Может быть. Как говорится, в прокурорской ипостаси Фемида становится куда более сдержанной по части внешних проявлений: ни драк с применением профессиональных приемов, ни погонь, ни перестрелок, ни эффектных выездов на спецмашинах со светозвуковыми эффектами...

Возможно, именно из-за отсутствия внешней динамики органы прокуратуры по сравнению с милицескими службами (и особенно «штатным героем» — угрозыском) привлекают куда меньшее внимание литературы, кинематографа.

Общий же надзор этим вниманием, на мой взгляд, почти совсем обойден. И совершенно несправедливо. Берусь это доказать, рассказав о работе прокурора отдела общего надзора младшего советника юстиции Бориса Дмитриевича Посвольского.

Всего в отделе общего надзора прокуратуры Ленинграда работает одиннадцать человек. «Сферы влияния» между ними распределяются по принципу предметно-зонального курирования. То есть кроме курирования в целом работы определенных районных прокуратур за каждым из одиннадцати сотрудников закреплены еще несколько линий в масштабах города. За Борисом Дмитриевичем Посвольским, в частности, следующие: надзор за исполнением законов, направленных на экономию теплоэнергетических ресурсов; использование неустановленного оборудования; борьба с простоями транспорта; сохранность сельскохозяйственной продукции.

Рассмотрим на конкретных примерах, что представляет собой работа прокурора по общему надзору.

В ЧЕМ КАРМАНЕ РУБЛЬ ДОРОЖЕ

В одном из переулков Октябрьского района лежала... тысяча рублей. День лежала, месяц, год, другой... И никому эта тысяча была не нужна. Те, кто ее в свое время заказывал, уволились. Новые работники еще не успели войти в курс дела. И лежала эта тысяча бесхозной, пока не заинтересовалась ею горпрокуратура. А конкретно — прокурор отдела общего надзора Борис Дмитриевич Посвольский. Результатом этого его интереса стал документ, который называется «представление». Вот несколько строк оттуда: «...с октября 1982 года во дворе дома № 8 по Красноградскому переулку находится под открытым не-

бом без тары и упаковки, подвергаясь порче и разукомплектованию, блок камер КСО И-250, изготовленный на Ленинградском заводе электротехнических изделий, приобретенный в мае 1981 года Октябрьским РЖУ для монтажа трансформаторной подстанции. Стоимость этого оборудования составляет 1000 рублей».

И далее: «В результате бесхозяйственного отношения к сохранности социалистической собственности по вине должностных лиц Октябрьского РЖУ блок камер КСО И-250 имеет различные повреждения».

Представление это датировано 30 мая 1983 года. И уже 29 июня в прокуратуру города поступил из Октябрьского райисполкома ответ. В нем сообщалось, в частности: «После рассмотрения прокуратурой города данного вопроса были приняты меры по созданию склада по ул. Лабутина, 11, для хранения не установленного в жилые дома оборудования. В настоящее время камеры блока КСО И-250 убраны на склад».

Еще пример. Он касается другой линии, которую курирует Б. Д. Посвольский,— контроль за исполнением законов, направленных на экономию теплоэнергоресурсов.

Снова строки из представления. Теперь оно было внесено в производственное объединение «Ленвторцветмет»: «Установлено, что по вине руководителей объединения нарушаются требования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 02.04.81 г. «Об основных направлениях и мерах по повышению эффективности использования топливно-энергетических ресурсов в народном хозяйстве в 1981—1985 годах и на период до 1990 года» и других законов, направленных на борьбу с бесхозяйственностью при использовании топливно-энергетических ресурсов. Объединением «Ленвторцветмет» в 1983 году допущен перерасход лимитов электроэнергии в количестве 195 тысяч киловатт-часов, за что уплачено штрафов на общую сумму 11 800 рублей».

Удивительно это емкий, концентрированный по смыслу документ — представление, вносимое прокуратурой в какую-либо организацию. Короткие — три — пять страниц машинописного текста, — они вмещают и суть нарушения закона, и ссылку на него (или на них), и краткое изложение заключения квалифицированных специалистов.

Мало того, в каждом представлении намечаются пути для устранения вскрытых недостатков.

Знакомясь с этими краткими, но содержательными документами, видишь их двуединое значение. Во-первых, экономическое: ведь, как уже говорилось, в представлениях, каждое из которых подписано прокурором города, предлагается принять конкретные меры к устранению причин и условий, способствующих наруше-

ниям законов, а о принятых мерах сообщить в прокуратуру Ленинграда в установленный законом месячный срок.

Надо сказать, что в подавляющем большинстве случаев, как и в рассмотренном выше, меры такие принимаются незамедлительно. Это, конечно, важно.

Но не менее важно и другое значение представлений — воспитательное. Ведь в них, как правило, названы конкретные виновники вскрытых нарушений, те, из-за чьей нерадивости предпрятие — а в итоге государство — понесло убытки.

Увы, встречается еще у ряда хозяйственников некий психологический перепад: трогательная забота не о рубле даже — о каждой копейке собственной и абсолютное безразличие к средствам государственным, в каких бы суммах они ни выражались.

Причем социологи и психологи установили интересную обратно пропорциональную зависимость между отношением к личному и государственному: чем менее радеет горе-хозяйственник о доверенных ему государственных ценностях, тем с большей заботой печется о каждой личной копейке.

Вновь обратимся к Закону о прокуратуре: «Осуществляя общий надзор, прокурор в пределах своей компетенции... принимает меры к обеспечению в установленном порядке возмещения материального ущерба, причиненного нарушением закона...»

Поэтому, когда прокурор в представлении предлагает наказать тех, кто равнодушно пускает по ветру государственные средства, он выбирает самую «болеую» точку виновных — их собственный, родной карман.

После представления, внесенного прокуратурой города в «Ленвотрцветмет», по объединению был издан приказ, датированный 12 апреля 1984 года. Вот несколько строк из этого приказа: «...заслушали объяснения главного инженера объединения и главного энергетика. За недостаточный уровень руководства инженерными службами, слабый контроль и неудовлетворительную организацию использования теплоэнергетических ресурсов им объявлены строгие взыскания и произведены денежные начеты в размере месячных окладов». И еще строки из пункта 6 того же приказа по объединению: «...в частичное возмещение ущерба, причиненного выплатой штрафов, удержать с виновных работников по 1/3 среднего заработка каждого».

Думается, эта материальная кара стала не только действенным уроком для провинившихся, но и серьезным предостережением тем, чья душа теплеет только при мысли — «мое...».

Перейдем теперь к третьей линии, надзор за которой осуществляет младший советник юстиции Б. А. Посвольский, — это борьба с простоями транспорта.

ИЗ ПУНКТА А В ПУНКТ Б

Из пункта А в пункт Б отправлены вагоны с цементом. В пункт Б вагоны прибыли в назначенный день. Груз был доставлен в целости и сохранности. Вопрос: какой убыток в этом случае несет государство?

Расследовать этот парадокс предстояло прокурору Б. Д. Посвольскому. Он взялся за дело. Довольно скоро выяснилось: государство несет убытки, поскольку прибывшие вагоны превращаются в крайне дорогостоящие склады на колесах. Доставленный в этих вагонах цемент некуда разгружать, потому что бункеры цементного элеватора, куда следовало бы сгрузить цемент, оказались занятыми опять же цементом. Почему? А потому, что их заполнял цемент, заказанный другими организациями еще на 1984 год. Они этот свой цемент не выбрали.

Получилось это оттого, что весь цемент, действительно необходимый в 1984 году, уже взяли. А оставили ненужный, лишний. Почему же он оказался лишним? Дело все в том, что заказы этих организаций были непомерно велики — фонды неоправданно завышены.

В рабочем блокноте прокурора Б. Д. Посвольского появилась таблица, на основании которой он сформулировал основные виды убытков, нанесенные государству из-за неоправданно завышенных фондов цемента рядом организаций:

этот дефицитный стройматериал не смогли получить действительно нуждающиеся в нем организации;

произошли сверхнормативные простои вагонов;

к виновным в их простоях применены штрафные санкции,

из-за этого с дополнительной нагрузкой работали юридические службы и бухгалтерии;

дополнительную нагрузку в работе получили сотрудники Северо-Западной транспортной прокуратуры;

из-за вызовов в прокуратуру произошли непроизводительные потери рабочего времени у руководства цементного элеватора.

На основе этого анализа уже можно было начинать совместно с заинтересованными организациями подготовку документов, где были бы разработаны меры по профилактике ситуаций с завышением фондов цемента (и аналогичных им).

ПРАКТИКА ПЛЮС НАУКА

Борис Дмитриевич Посвольский в каждом конкретном случае не просто констатирует факт отступления от закона. Он всесторонне анализирует нарушение, ищет и определяет оптимальные пути его искоренения, способы профилактики.

И надо отметить, что для работников подобного склада сейчас создана обстановка наибольшего благоприятствования. В доказательство процитирую несколько строк из информационного письма, подписанного прокурором Ленинграда государственным советником юстиции 3-го класса А. Д. Васильевым и адресованного прокурорам районов, начальникам управлений, отделов, старшим помощникам прокурора Ленинграда: «Методической группой кабинета криминологии в координации с Ленинградским региональным Советом правоохранительных органов, научных учреждений, средств массовой информации и творческих союзов, а также в сотрудничестве с советом НОТ прокуратуры города последовательно проводится работа, направленная на изыскание резервов повышения результативности борьбы за укрепление законности. Разработано более тридцати новых форм и методов, из которых применяются уже свыше пятнадцати».

Прокурор отдела общего надзора Б. Д. Посвольский входит в методическую группу кабинета криминологии. Познакомимся с некоторыми научно-прикладными разработками, сделанными Борисом Дмитриевичем.

Одна из его таблиц называется: «Анализ состояния законности по борьбе с простоями автотранспорта на предприятиях, пользующихся услугами транспортного объединения „Ленавто-трансэкспедиция“». Необходимость анализа была вызвана следующим обстоятельством: в течение трех кварталов 1984 года многие предприятия и организации выплатили «Ленавто-трансэкспедиции» большие суммы штрафов за простой автомашин.

Б. Д. Посвольский сделал подробную «раскладку» по районам, а внутри каждого района — по организациям и предприятиям, пользующимся услугами «Ленавтотрансэкспедиции». Наглядно выявилась динамика простоев автотранспорта по вине различных ведомств. Из мозаики отдельных разрозненных фактов в таблице сложилась четкая единая картина в масштабах города. Определились и отдельные «рекордсмены» по штрафам: управление «Ленбытхим» (Октябрьский район) — 5575 рублей; ЛПТО «Красное знамя» — 3239 рублей и ЛПО «Октябрь» — 5543 рубля (Петроградский район); Ленинградский пищевой комбинат (Московский район) — 12 652 рубля; объединение «Ленмашснабсбыт» (Смольнинский район) — 21 574 рубля штрафов.

Таблица позволила сделать и еще один серьезный вывод: если общий простой 13 236 машино-дней разделить на количество машин, которыми располагает «Ленавтотрансэкспедиция», а именно на 950, то получится 14 дней. Четырнадцать дней простоя всего парка объединения!

А 5600 тонн, которые в среднем перевозит за сутки «Лен-автотрансэкспедиция», помноженные на 14 дней, дают 78 400 тонн. Именно такое количество груза осталось неперевезенным из-за нераливых хозяйственников ряда предприятий и организаций, по чьей вине простаивали автомашины. Есть о чем задуматься...

Параллельно с этим анализом Б. Д. Посвольский разработал еще одну схему-график — анализ состояния законности по борьбе с простоями железнодорожных вагонов и организационная работа в этом направлении. График отражает такие сложные категории, как разнообразные меры прокурорского реагирования на факты нарушений, эффективность их воздействия и ряд других позиций.

У СЕМИ НЯНЕК

Но самым большим достижением среди научно-прикладных разработок Бориса Дмитриевича Посвольского является схема, подробный заголовок которой конкретно и точно отражает ее суть: «Организация работы органов прокуратуры Ленинграда за исполнением законов, направленных на борьбу с хищениями и бесхозяйственностью при заготовке, транспортировке, хранении и реализации сельскохозяйственной и иной продовольственной продукции в свете требований Продовольственной программы СССР».

Как отмечают специалисты, основное достоинство ее состоит в том, что схема с максимальной полнотой наглядно отражает все взаимосвязи различных баз, предприятий по переработке пищевой продукции, складов, магазинов, предприятий общественного питания — только представьте количество подобных «точек» в масштабах нашего огромного города!

Схема эта отчетливо выявила, более того — заострила особое внимание на объектах, находящихся как бы на стыке влияний двух или даже нескольких прокуратур. И нередко подобные объекты оставались, в соответствии с известной поговоркой, вообще без присмотра.

Скажем, имеется в одном из районов города крупная плодово-овощная база. А ее мелкооптовые «отростки» находятся на территориях других районов. Вопрос: прокурор какого из районов должен контролировать работу «дочерних» мелкооптовых баз? Того, на чьей территории они находятся непосредственно, или района, на территории которого расположена основная база?

Практика прошлых лет показала, что именно на стыке сфер влияния различных прокуратур и возникали некие мертвые зоны, когда «дитя оставалось без глаза».

Одной из основных задач, которые Борису Дмитриевичу Посвольскому удалось решить при разработке схемы, стала наглядная взаимоувязанность надзорных функций различных прокуратур.

Представим горячую пору массовой закладки на хранение сельхозпродукции.

Допустим, непосредственный контроль за деятельностью Калининской базы «Главленплодоовощпрома» осуществляет прокуратура Калининского района, которую на схеме фиолетовая нитка соединяет с прокуратурой города.

Калининская база имеет филиал в Волосове. Коричневая линия на схеме соединяет Калининскую прокуратуру с областной прокуратурой.

Кроме того, Калининская база имеет подъездные пути на станции Кушелевка. Они отмечены на схеме условным знаком, и черная нить ведет от них к Ленинград-Финляндской транспортной прокуратуре.

В период созревания бахчевых баржи с ними прибывают на причалы Синопской набережной. Поэтому на схеме красная линия связывает Калининскую прокуратуру с прокуратурой Смольнинского района.

Еще один причал Калининская база имеет на проспекте Обуховской Обороны. По этой причине розовая нить тянется от прокуратуры Калининского к прокуратуре Невского района.

И это не все: у Калининской базы есть еще причал в Ленинградском речном порту. Четкая синяя линия ведет из прокуратуры Калининского района к Балтийской транспортной прокуратуре.

Эти связи долго описывать словами, а на схеме Посвольского сразу видны те «семь нянек», которые, действуя комплексно и согласованно, координируют свои действия по контролю за работой крупного разветвленного объекта, особенно в сложный период массовой закладки сельхозпродукции.

Эта схема очень проста в обращении: она предельно наглядно демонстрирует соподчиненность и взаимосвязь огромного количества объектов. Но это именно та простота, которая является следствием огромного предварительного труда. Более трех лет ее разрабатывал Борис Дмитриевич и теперь охотно делится своим опытом с коллегами: любой сотрудник районной, к примеру, прокуратуры может получить у Посвольского подробный инструктаж, сделать из схемы необходимые копии взаимосвязей интересующих объектов.

Схема, разработанная Борисом Дмитриевичем, как считают специалисты, совершенна по содержанию. А совершенное содержание, как известно, определяет и соответствующую форму. Именно поэтому и удалось на сравнительно небольшой площа-

ди ватмана четко показать взаимосвязь огромного количества объектов.

Возможно, в недалеком будущем схема будет выполнена из более совершенных, нежели ватман, материалов, взаимосвязь объектов станет высвечиваться на стенде-витраже нажатием кнопки. Но принцип ее останется, думаю, прежним.

Кроме упомянутых достоинств схема Посвольского обладает еще одним: сразу и наглядно показывает все однородные предприятия и организации. Например, «Главленплодоовощ-прома», или Управления хлебобудовых продуктов Министерства заготовок РСФСР, или системы предприятий общественного питания...

Это быстрое выявление всех однородных «точек» в масштабах города дает возможность для проведения оперативного сквозного анализа и проверок. Взять, к примеру, такую солидную организацию, как производственно-сбытовое объединение по переработке рыбы и реализации рыбной продукции «Ленрыба».

На схеме сразу видны предприятия, входящие в состав «Ленрыбы»: холодильники № 1, 2, 3, рыбокомбинаты № 1 и 2, фирма «Океан» и живорыбная база.

СКАЗ О ЗОЛОТОЙ РЫБЕ

В начале 1984 года в объединении «Ленрыба» и входящих в него предприятиях прокуратурой города, Ленинград-Витебской транспортной прокуратурой, прокуратурой Кировского района (с привлечением комитета народного контроля Октябрьского района) была проведена комплексная сквозная проверка исполнения законов, направленных на борьбу с бесхозяйственностью.

Основное нарушение, выявленное проверкой, — сверхнормативные простои железнодорожных вагонов. При норме простоя 2,3 часа фактический простой одного вагона составил в среднем 5,1 часа.

Между директорами предприятий на почве выплаты штрафов за простои вагонов даже приключилось в 1983 году своеобразное соревнование по принципу «кто больше?».

Холодильник № 1 в этом состязании бесспорно превзошел всех: 315 тысяч рублей штрафу!

А вот какой вывод сделала проверка: в 1983 году только за простои железнодорожных вагонов объединением было уплачено штрафов на сумму 421 тысяча рублей (что явилось своеобразным прогрессом по сравнению с 1982 годом, когда по той же причине было выплачено штрафов на сумму 464 тысячи рублей).

Специфическая, прямо скажем, картина: стоят вагоны, внутри — рыба. Вероятно, руководители предприятий просто забыли, что рыба — продукт деликатный. Это вам не покупатели — ни ждать, ни в очереди стоять рыбы не привыкли. Даже если это очередь на выгрузку в холодильник.

В чем же дело? Почему стоят на путях вагоны с рыбой? Как показала проверка, способов превратить железнодорожные вагоны в склады на колесах несколько.

Первый и простейший из них продемонстрировал в апреле 1984 года директор холодильника № 1. Способ называется: «недостаточное количество холодильных емкостей». Правда, после того как этот директор был приглашен в горпрокуратуру и ему было сделано предостережение о недопустимости нарушений закона, а также предупреждение об уголовной ответственности, место для рыбки в холодильнике № 1 нашлось. И, как гласит официальный документ, «были приняты срочные меры по выгрузке рыбной продукции».

Способ второй по смыслу близок первому. Только аргументация в нем более утонченная, что ли. Условно его можно назвать: «нежная привязанность». Например, руководители так привыкают к определенному сорту консервов, что не желают нарушать привычный и милый глазу интерьер складов. И консервы эти не трогают, то есть не реализуют. В результате новые поступления консервов отгружать некуда.

Есть и третий способ оставить рыбку на колесах. В официальных документах способ этот именуется: «Переадресовка вагонов по указанию руководителей объединения без учета фактического наличия свободных емкостей на том или ином предприятии». А попросту говоря, такой метод называется «показать пятый угол».

При этом способе рыбка в вагонах больше всего напоминает неопытного командированного, который в разгар бархатного сезона пытается получить отдельный номер в гостиницах модного курорта.

Но и эти три способа — не предел для руководителей «Ленрыбы».

Кто, собственно, решил, что рыбка может разъезжать только в железнодорожных вагонах? Ведь ее можно катать и в автофургонах. И все три способа, перечисленные выше, годятся для автотранспорта. Это опытным путем убедительно доказали, например, руководители холодильника № 1. Обратимся к документу: «Директором холодильника № 1 и его заместителем нарушаются требования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 05. 08. 83 г. «О повышении эффективности использования автотранспортных средств в народном хозяйстве, усилении борьбы с приписками при перевозке грузов ав-

томобильным транспортом и обеспечении сохранности горюче-смазочных материалов». За простой автотранспорта холодильником № 1 в 1983 году уплачено штрафов 8106 рублей и за три месяца 1984 года — 3000 рублей».

Но и это не предел. Если рыба катит автотранспортом, является еще один способ подольше оставить ее на колесах — нужно неправильно оформить товарно-транспортные накладные. И тогда... Как свидетельствует документ, в 1983 году ЛСПО «Ленрыба» уплатило автотранспортным предприятиям 31 тысячу рублей штрафов за неправильное оформление товарно-транспортных накладных в соответствии со ст. 145 «Устава автомобильного транспорта РСФСР», утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 08.01.69 г., из них по вине холодильника № 1 — 16 тысяч рублей и рыбокомбината № 1 — 15 тысяч рублей.

Познакомимся еще с одним документом. Скромным таким, на полстранички. Его название: «Незапланированные потери по объединению «Ленрыба» за 1983 год». Девять позиций, раскладка по предприятиям... Чередуются цифры: однозначные, чуть реже — двузначные, еще реже — трехзначные.

Все бы не беда, но только после каждой цифры следует еще добавлять слова: «тысяч рублей». После чего цифры сразу теряют свою кажущуюся скромность. А сумма, стоящая после сакраментального слова «итого», составляет 562. Тысячи рублей — все поняли?

Очень хочется предложить для фирменных магазинов «Океан» «Ленрыбы» новую рекламу в торговые залы с таким примерно текстом: «Покупая у нас товар, будьте внимательны: попадают золотые рыбы!»

Как же могут объяснить происходящее в «Ленрыбе» ее руководители? Разные лица высказывали различные соображения. Встречались и знакомые уже ссылки на нехватки емкостей, на поломки электропогрузчиков и лифтов...

Некоторые руководители, как черным по белому написано в документах, «не смогли объяснить причины»... Некоторые сетовали на низкую дисциплину рабочих. Верно. Дисциплина среди рабочих — особенно занятых на погрузке и выгрузке рыбы, рыбопродуктов — низка.

Однако как тут не припомнить народную мудрость: откуда рыба портится-то начинается?

Поэтому, вероятно, в приказе по «Ленрыбе», появившемся по итогам проверки, есть, кроме прочих правильных пунктов, и пункты 7, 8, 10, в которых многим руководящим работникам объединения и предприятий, входящих в «Ленрыбу», объявлены выговоры, а кое-кому — строгие.

А подпунктом 4 пункта 12 этого же приказа и пунктом 13 с некоторых руководящих товарищей взыскано в частичное возмещение ущерба по месячному окладу. Их, так сказать, скромная лепта в «золочение» рыб.

Таковым стал еще один итог работы отдела общего надзора прокуратуры Ленинграда.

Ведь отдел этот ведет непримиримую борьбу с хозяйственниками, которые, как писал В. И. Ленин, «не заботятся о том, чтобы сберечь копейку, которая им дана, и не стараются превратить ее в 2 копейки, а составляют планы на миллиарды и даже триллионы... Вот против этого зла мы поведем нашу борьбу».

Наталья Головки

РАЗВЕДКА БОЕМ

Утром его должны были принимать в члены партии. А на рассвете немцы начали обстрел наших передовых позиций, и осколком снаряда ему перебило ногу. В госпитале ее пришлось ампутировать. Ранен он был подо Мгой в последний день августа 1943 года...

На заводе, куда Чурин поступил после выписки из госпиталя, видели, как тяжело ему стоять у станка. Однажды пригласили его в райком партии и сказали: «Парень ты боевой, грамотный, специальность надо приобретать другую. Как раз объявлен прием в юридическую школу...»

Вот так, еще во время войны, стал Сергей Павлович Чурин юристом. И когда окончил школу, предложили ему — опять же из-за протеза — работу в адвокатуре. Чурина это возмутило:

— Если уж я не могу бить врага на фронте, то должен побоевому действовать в тылу. Я готовился воевать с преступниками, а не защищать их.

А поскольку к его просьбе все-таки не прислушались, написал письмо в высокую инстанцию.

Там просьбу бывшего солдата уважили. Начал работать коммунист С. П. Чурин в районной прокуратуре недалеко от род-

ных подмосковных мест. Через несколько лет познакомился с молодой учительницей-ленинградкой. Поженились. И уговорила она мужа переехать в ее родной город, у стен которого он воевал.

Теперь Чурин уже ветеран среди работников ленинградской прокуратуры. Почти три десятка лет работает в Выборгском районе и как заместитель прокурора осуществляет общий надзор. Это значит — надзор за исполнением советского законодательства органами государственного управления, предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами. Если закон не соблюдается должным образом, то прокуратура требует устранить не только нарушение, но и причины, его вызвавшие, и условия, ему способствовавшие.

Общий надзор юристы образно называют разведкой прокуратуры. А еще точнее, может, будет назвать ее разведкой боем. Потому что всей своей работой прокурор дает настоящий бой бесхозяйственности, недисциплинированности, безответственности и иным явлениям, чуждым советскому образу жизни, социалистическим методам хозяйствования и управления. В этом бою негативные явления должны быть подавлены, пока не разрослись широко, не укоренились глубоко. Пока нарушение закона не переросло в уголовное преступление. Пока не нанесен интересам государства особо тяжкий урон.

Так отвоевался ли солдат? Какое там! Он и сегодня весь в делах, в борьбе, в хлопотах, не оставляющих свободных минут. С большим трудом выкраивал время, чтобы рассказать мне о работе.

Я старался записать его рассказы как можно подробнее и точнее, передать размышления Сергея Павловича, на которые его наводили эти истории. Все они абсолютно документальны. Но вот подлинные названия предприятий, фамилии людей мы с ним решили не приводить. По двум причинам. Во-первых, дела прошлые, нарушители привлечены к ответственности и, как правило, сделали из встреч с работниками прокуратуры правильные выводы. Во-вторых, выбирали мы с Сергеем Павловичем те «сюжеты», в которых нарушения законов были не случайные, единичные, а довольно распространенные, даже типичные. Так пусть лучше узнают себя в этих рассказах не только те, кто дал для них непосредственный повод. Пользы делу будет больше.

Итак, несколько рассказов С. П. Чурина и несколько наших с ним диалогов, протекавших между этими рассказами.

День был воскресный. Спешить особенно некуда. Иду себе медленно вдоль своего дома, приглядываюсь к окружающему. В будние-то дни по сторонам смотреть некогда — все время спешишь. А тут обратил внимание и на новые скамейки, что появились во дворе, и на штабеля пустых ящиков у магазина, которые громоздятся все выше: скоро небось дом перерастут...

Вдруг слышу какой-то треск из-за штабеля — очередями, словно из автомата, стреляют. Так и есть. Выскакивает оттуда пацан лет восьми, в руках у него эта самая трещотка, лампочка на конце ствола мигает в такт выстрелам. Бежит, ничего вокруг не замечает и налетает прямо на меня. Испугался, видно, сказать ничего не может от неожиданности. Успокоил я его, по плечу похлопал. «Как,— спрашиваю,— оружие действует, исправно?» — «Нормально,— отвечает.— Хотите, дяденька, пострелять?» — «Не надо,— говорю,— настрелялся я в свое время на всю жизнь. Беги,— говорю,— играй, только людей больше не пугай».

Думаете, сейчас буду рассказывать, что мне это «столкновение» войну напомнило? Нет. Война, она не вспоминается, потому что и не забывается: всегда в сердце сидит осколком. Но этот эпизод действительно напомнил мне одну историю, связанную вовсе не с войной, а с одним из моих прокурорских дел.

В прокуратуру стали поступать сигналы о том, что эти самые игрушечные автоматы быстро ломаются. В них плохо припаяны металлические детали, быстро отламываются пластмассовые части в местах соединений, недолговечны батарейки. В общем, типичный случай брака. А значит — серьезное нарушение государственной дисциплины, мимо чего мы никак пройти не можем.

Посмотрел данные о штрафах, которые предприятие выплачивает за поставку недоброкачественных товаров: за минувший год штрафные суммы вдвое подскочили по сравнению с предыдущим. Тут уж дело отлагательств не терпит.

Еду туда. Прошу представить мне все необходимые документы: отчеты, справки, рекламации и претензии, решения арбитража...

И вот, знакомясь с этими материалами, я снова, как уже не раз за свою многолетнюю практику, столкнулся с явлением, которое назвал бы «эффектом бинокля». Так, сидя в театральном зале, вы смотрите на сцену «невооруженным» глазом и видите ее перед собой всю, широким планом. Зато черты лица актера, детали обстановки можете не разглядеть. Тогда подносите к глазам бинокль, и в поле вашего зрения попадает небольшая часть сцены, но план становится крупным, и детали, казавшие-

ся до тех пор мелкими, приближаются к вам, словно бы увеличиваясь в размерах.

Так и здесь. Штрафные суммы, выплаченные предприятием — а именно от них я отталкивался в своей проверке, — по мере проникновения в глубь документации стали вырастать, как в окуляре бинокля. Сначала увеличение было почти семикратным: во столько раз больше штрафов оказались убытки от внутриводского брака. А потом и они выросли еще в шесть раз: это я добрался до убытков от всех непроизводительных потерь за год. Они перевалили за миллион. Тут и прогулы, и хищения, и порча материалов из-за плохого хранения, и всякие другие не порядки.

Разумеется, беру все это на карандаш, хотя больше навою свой «бинокль» все же на качество: ведь ради него проверка затеяна. Постепенно выясняется, что брак идет по многим каналам, а надежного заслона ему нет... Да, бывало, поступали на предприятие недоброкачественные материалы, комплектующие изделия. Те же батарейки, скажем, которые изготавливаются в другом городе. Тем не менее все это беспрепятственно шло в производство.

А в заводских цехах к чужому браку щедро добавляли собственный. Тут едва припаяют, там не отрегулируют, на сборке кое-как сляпают — вот и идет в продажу товар вроде бы приличный на вид, а на деле никудышный, хотя и стоит на нем штамп отдела технического контроля.

Начальник ОТК Петр Николаевич Пучков вовсе не выглядел смущенным, когда я прямо спросил его, почему он и его подчиненные не выполняют как следует свои должностные обязанности. Напротив, смотрел он на меня с какой-то снисходительной жалостью: я, мол, превосходно знаю, о чем будете меня спрашивать, понимаю, что вы обязаны это делать по своему служебному положению, но жаль мне вас, ибо сами ведь сознаете, что в наших условиях избежать брака трудно, подчас просто невозможно.

— Да, — произнес он словно заученный монолог, — в чем-то мы, контролеры ОТК, недорабатываем. Но, во-первых, не от нас же исходит брак. Во-вторых, мы практически не можем воздействовать на поставщиков, присылающих недоброкачественные материалы и детали. Предъявим им претензии — рискуем и совсем ничего не иметь. В-третьих, и это зачастую получаем с опозданием, из-за чего предприятие работает неритмично. Больше половины изделий выпускается в последней декаде месяца — где уж тут уследить за качеством! Да и рабочих на заводе не хватает, приходится принимать кого попало, а какой с таких людей спрос?..

Он говорил, я слушал, даже головой кивал, но, признаться

откровенно, мог бы и не слушать — настолько привычны мне подобные рассуждения, характерные для тех, кто ищет не выхода из трудностей, а оправдания своей бездеятельности. И ведь кого-то из хозяйственных руководителей они убеждают. Ну объяснят такому начальнику ОТК выговор «для порядка», лишат месячной премии, предупредят — впредь, мол, будем наказывать строже. И все продолжается по-прежнему. Потери от брака списываются на убытки предприятия, виновные, как правило, их не возмещают. А это прямой ущерб интересам государства, на защиту которых так же, как и я, работник прокуратуры, поставлен он, начальник ОТК П. Н. Пучков. Мы с ним должны, значит, и думать, и говорить, и действовать в унисон. Получается, однако, по-иному.

Больше того, он, хоть и не впрямую, намеками, но все же пытался дать мне понять, что, дескать, прояви он настоящую требовательность, не пропусти брак — и план по реализации продукции может оказаться сорванным. А за это ведь попадает куда сильнее, чем за низкое качество, и не только ему, но и кое-кому повыше...

Мне и этот «аргумент» давно известен. Но дослушать до конца я все-таки обязан.

— Вот что, Петр Николаевич,— говорю ему, когда он замолкает,— ваши объяснения я принять не могу.

Смотрит на меня удивленно. А я коротко и четко поясняю, что выпуск недоброкачественных изделий ничем не может быть оправдан. И на поставщиков можно воздействовать разными средствами: в районах, где находятся эти предприятия, тоже в конце концов есть прокуратуры, которые наверняка занимаются вопросами качества. А уж на своих бракоделов, на мастеров и начальников цехов, которые им попустительствуют, и подавно можно найти управу. Если же работники ОТК этого не делают, значит, смирились с браком, идут на поводу у тех, кто старается выполнить план любой ценой. Ведь не предъявлял ни к кому начальник ОТК тех требований, к которым обязывает его закон. Большие убытки, причиненные предприятию бракоделами, ими не возмещались. Вечный ноль значился в этой графе.

— Следовательно, Петр Николаевич, вам придется отвечать за это материально,— подвожу я итог нашему разговору.— Прокуратура предъявит вам иск о частичном возмещении нанесенного предприятию ущерба.

Вот тут уж он сник, ибо такое услышал впервые: расплачиваться за «чей-то» брак из собственного кармана.

— Почему именно я? Разве я один виноват? Как мы, работники ОТК, можем за всем уследить? С нас ли надо начинать наводить порядок?

...Давайте отвлечемся на минуту. Иногда приходится читать в художественной литературе, что прокурор в таких ситуациях ощущает как бы раздвоение личности. По-человечески жаль того, кого вынужден привлекать к ответственности, но закон, мол, требует, и жалость приходится в себе подавлять. Не могу причислить себя к числу черствых людей, но и раздвоения не чувствую. Потому что и умом и сердцем убежден: справедливое наказание руководителю только на пользу. Оно способствует воспитанию государственного отношения к любому делу. Об этом свидетельствует опыт — и мой, и многочисленных моих коллег. Редко — хотя, к сожалению, бывают и такие случаи — после административного наказания руководитель продолжает действовать по-прежнему и словно сам напрашивается на применение Уголовного кодекса. А ведь в нем в статье 152 предусмотрены санкции и за выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции.

Теперь вернемся к Пучкову. О статье 152 УК РСФСР у нас с ним разговора не было. Вряд ли стоило тогда напоминать ему о ней. Думаю, сам должен был понять, что иск — это первый тревожный звонок, предупреждающий о более строгой ответственности, если не сделает правильных выводов.

Понял он это, правда, не сразу. Из чего я сделал такой вывод? Очень просто: спросил его, внесет ли деньги добровольно, когда ему будет предъявлен иск. Ответил отказом.

— Придется взыскивать через суд,— предупредил я.

— Что ж, пусть будет так,— согласился он.— Возможно, мне удастся доказать суду свою невиновность. Да и вообще о чем мы говорим: смешно сказать — о детской игрушке! Как ее ни сделай, ребенок все равно сломает. Век ее недолгий.

Забегая вперед, скажу: оправдаться Пучкову не удалось. Иначе и быть не могло. Суд удовлетворил наш иск полностью. С начальника ОТК взыскали в пользу предприятия среднемесячный заработок — 288 рублей. Ошутимо!

А в тот момент я ограничился тем, что перефразировал Пучкову известный афоризм, касающийся писателей: для детей надо делать так же, как и для взрослых, только еще лучше.

На том с ним и расстались. Ну а мне покидать завод было еще рано. Естественно, я предупредил и директора, и юрисконсульта, и главного бухгалтера о том, что со всех виновных в производственном браке и прочих безобразиях — от руководителя предприятия до рабочего — надо обязательно взыскивать нанесенный ущерб, что теперь районная прокуратура возьмет это под особый контроль. Предложил по итогам проверки издать специальный приказ, в котором и виновным воздать по заслугам, и определить меры по устранению причин выпуска недоброкачественной продукции.

Все это сделано, так сказать, по регламенту. Но не могу я считать свою миссию исчерпанной, пока не встречу с рабочими, с трудовым коллективом. Решил пойти в тот цех, где больше всего было непорядка. Попросил собрать людей на стыке смен, выступил перед ними.

Цифры у меня в руках были разительные. И я привел их рабочим, добавив, что на те средства, которые за последние годы списаны в убытки, можно было построить многоквартирный дом или пансионат на юге, или улучшить условия труда. Да мало ли что можно сделать на такие деньги — ведь коллектив в конечном счете сам решает, как ими распорядиться. И те, кто лишает коллектив этих благ — прогульщики, бракоделы, «несуны», — находятся не за тридевять земель, а здесь, рядом. Так сколько же можно их терпеть?..

Вот о чем напомнила мне неожиданная и мимолетная встреча с мальчишкой в воскресный день. Понимаете теперь, что не случайно спросил я у мальчика, исправно ли действует его автомат. И мне, не скрою, приятен был его ответ: «Нормально».

— Но ведь это могло быть чистой случайностью, Сергей Павлович, — возражаю ему. — Не все же автоматы и раньше выпускались бракованными. Может, вашему юному знакомцу попался добротный экземпляр, а дела с качеством продукции на этом предприятии обстоят так же плохо.

— А мы сейчас посмотрим, — улыбается Чурин и разворачивает на столе большой разграфленный лист бумаги со множеством цифр.

Эту «простыню» он заполняет уже несколько лет. В начале января каждого года запрашивает со всех крупных предприятий района данные по тем вопросам, которыми прокуратура занимается в порядке общего надзора.

Не без труда это далось. Ведь запрашиваются не только те данные, которые входят в официальную статистическую отчетность, но и такие, которые надо высчитывать специально. Один генеральный директор даже пожаловался в свое министерство на то, что прокуратура требует «неустановленную» отчетность. Ему, правда, ответили в том смысле, что прокурор наверняка требует не из праздного любопытства, а для пользы дела.

Польза очевидна. Стоит сравнить данные за несколько лет, как сразу становится ясно, в чем и где «слабина». И это один из источников планирования надзорных проверок на целый год вперед. А заодно и контроля за тем, какова действенность прежних проверок.

— Сейчас посмотрим, — повторяет Чурин, отыскивая нужные графы. — Вот он, этот завод. Смотрите: по итогам восемьдесят

третьего года, когда проводилась та самая проверка, штрафы за бракованную продукцию снизились по сравнению с предыдущим в два с половиной раза. А за восемьдесят четвертый год — еще вдвое. И суммы, взысканные с виновных, — видите — четырехзначные. Значит, работа по повышению качества, по воспитанию рачительности ведется.

— Выходит, Сергей Павлович, и игрушка может стать поводом для дела далеко не игрушечного?

— Игрушечных дел вообще не бывает, — убежденно произнес Чурин. — Меня всегда возмущает до глубины души, когда кто-нибудь из тех, с кем приходится беседовать по ходу разбора дела, говорит: «Ну зачем занимаетесь подобными мелочами?» В подтексте слышу: делать вам, что ли, больше нечего? Смотрю в его пустые глаза и, не веря во взаимопонимание, объясняю, что за каждой кажущейся «мелочью» непременно стоит человек с его нуждами, запросами, интересами. Да зачем я вас убеждаю общими фразами? Давайте лучше расскажу историю на эту тему.

СКОЛЬЗКО!..

Зимы наши ленинградские сами знаете какие. Сегодня мороз завернет под тридцать, а завтра — оттепель. И там, где снег убрать не успели, образуются наледи, на которых люди падают. Хорошо, если удачно, а то ведь получают и переломы, и серьезные ушибы. Естественно, больничный лист. Человека нет на работе.

Что-то, гляжу, слушаете вы меня без особого интереса. Думаете, наверное: для чего это он «просвещает» меня банальными истинами? Неужели и гололедом прокуратура занимается?

Мне, между прочим, с моим-то протезом, он страшней всего. Поэтому я лучше многих представляю себе, какие чувства испытывают пострадавшие и в момент падения, и после. Особенно женщины, которые носят модные ныне сапожки на тонком и высоком каблуке. Отважный, надо сказать, народ: падают, но не сдаются.

В общем, поводом для проверки, о которой я вам собираюсь рассказать, послужил как раз гололед.

Помните неожиданные для ленинградцев прошлогодние ноябрьские морозы, резко сменившиеся оттепелью? Так вот, сразу после нее в нашу прокуратуру позвонил технический инспектор труда ЦК профсоюза Ю. И. Журавлев. Сообщил, что за последние несколько дней шесть женщин, поскользнувшись на территории объединения, получили такие травмы, что каждая будет бюллетенить не меньше месяца.

— В причинах этого травматизма и разбираться нечего, —

говорил инспектор, — они яснее ясного. К вам же я обращаюсь потому, что в объединении — причем не только в этих случаях, а систематически — нарушается законодательство об охране труда. Поэтому требуется ваше вмешательство.

Признаюсь, когда услышал название объединения, мне стало не по себе. Прославленное многими замечательными инициативами, передовое в соревновании. Не хотелось верить, что на таком предприятии вообще могут допускаться нарушения законности. А каково обвинять в них опытных, авторитетных руководителей?.. Но сигнал есть, и отмахнуться от него нельзя. Едем туда вместе с Ю. И. Журавлевым.

Главный инженер К. П. Марчевский здоровается с нами с нескрываемым удивлением: работник прокуратуры на их предприятии — явление исключительное. А когда узнаёт, по какому поводу мы прибыли, удивляется еще больше:

— Из-за каких-то шести синяков устраивать глубокую проверку? Да мы сегодня же накажем начальника хозяйственного цеха. Получит крепкий нагоняй, лишим квартальной премии.

С самого начала нашего разговора стало понятно, что главный инженер — а он ведь в первую очередь ответствен за охрану труда в объединении — не в курсе всех событий и потому не отдает себе отчета в серьезности создавшегося положения. Дело же не только в том, что шесть «синяков» обойдутся предприятию в солидную сумму. И даже не в том, что на работе будут отсутствовать несколько человек, надолго выведенные из строя. Дело в том, что все это произошло не в силу каких-либо непредвиденных, не зависящих от работников объединения обстоятельств, а по их же вине, из-за неудовлетворительного выполнения ими своей прямой, святой, я бы сказал, служебной обязанности: создавать людям здоровые и безопасные условия труда.

Мы потребовали от начальника хозяйственного цеха и его заместителя объяснений. Первый написал, что убирается территория как положено и о травмах он понятия не имеет. Вторым оказался хитрее: свалил всю вину на транспортный цех, который, мол, постоянно срывает графики выделения автомашин и тракторов для очистки территории от снега. Что ж, попросили объяснений и у начальника транспортного цеха. А тот заявил, что все графики выполняются неукоснительно, да и вообще с помощью техники надо убирать лишь проезжие дороги, а тротуары и пешеходные дорожки чистить и песочком посыпать вручную. Так и валили вину друг на друга. Марчевский уверял нас, что мы, дескать, опередили события, что и без нашего визита эти руководители были бы строго наказаны.

Может быть, и так, не знаю. Пусть даже так и было бы. Но давайте вдумаемся в суть наказания, о котором он говорил:

«Лишим квартальной премии». Я призываю именно вдуматься, а не просто принять это заявление к сведению.

Я, кстати, часто его слышу и потому часто размышляю над тем, как это стало возможным, что едва ли не самым распространенным и сильнодействующим взысканием считается... лишение премии. Честное слово, не укладывается в голове. Ведь что такое премия? Это не что иное, как дополнительное вознаграждение за высокие количественные и качественные результаты труда. Дополнительное! То есть если ты, к примеру, убрал снег и скользкое место песочком посыпал, то, значит, сделал лишь то, что обязан сделать. Не больше того. И получаешь за это свою заработную плату, на которую добровольно согласился при приеме на работу. За что ж тут награждать дополнительно? Вот если сделал больше, чем положено, или быстрее, или лучше — дело другое, получай заслуженную премию.

А что же сейчас получается сплошь и рядом? Премию платят за то лишь, что человек... работает нормально. Хуже того, не столь уж редко платят и тогда, когда работает не совсем нормально, но никто, к счастью, на этом месте не поскользнулся и не расшибся. И работник уже считает, что премию он должен получать независимо от того, как он выполняет свои служебные обязанности. Даже если и недоделал что-то — неважно, лишь бы этого не заметили.

Вот почему и лишение премии, которая стала вроде бы неотъемлемой частью зарплаты, стали воспринимать как дисциплинарное взыскание, хотя в КЗоТе это так отнюдь не называется. А основная зарплата у недобросовестного работника остается в неприкосновенности. Разве это справедливо?

Поэтому законом и установлена обязанность администрации удерживать именно из зарплаты — не из премии работника — определенные суммы в возмещение причиненного им предприятию ущерба. И если это не делается, значит, законность нарушена.

Так оказалось и здесь. Нам было нелегко убедить главного инженера в том, что он поступает вопреки закону.

Ну можно еще сделать снисхождение, если работник провинился впервые и последствия его халатности не очень серьезные. Так ведь нет — техническая инспекция ЦК профсоюза уже не раз предупреждала администрацию объединения о том, что там систематически и грубо нарушаются законы об охране труда. И что же? Несмотря на это, до сих пор начальники ряда цехов, сменные и старшие мастера сквозь пальцы глядят на то, что оборудование, например, не снабжено защитными ограждениями, из-за чего несколько станочников получили травмы. При работе с кислотой человек оказался без резиновых сапог — она попала на ноги. Операторы гальванического участка давно и

безуспешно жаловались своему руководству на то, что в кабине пульта управления душно, сквозь загрязненное стекло не видно, как действует линия. По просьбе оператора рабочий попытался вынуть стекло и... упал с приставной лестницы.

— Да, отдельные нарушения имеются, но ведь травматизм у нас постоянно сокращается! — чуть ли не патетически восклицал главный инженер. — Посмотрите статистическую отчетность.

Мы ее видели, конечно. Действительно, есть небольшое снижение. Но допущено травм все равно много. И за каждой — здоровье человека, его трудоспособность.

— Так что выдавать незначительное сокращение за большое достижение по меньшей мере безнравственно, — сказал я тогда К. П. Марчевскому.

— Ну, знаете, — вспыхнул он, — это уж слишком!

— Нет, до «слишком» еще далеко, — возразили мы с Ю. И. Журавлевым. — Ведь есть и травмы, не вошедшие в отчетность. Если, например, несчастный случай на производстве произошел с человеком, находившимся в нетрезвом состоянии, это в официальном отчете не отражается. А сколько у вас таких случаев!

И мы начали перечислять. Пьяный токарь повредил руку, выполняя, кстати, на станке работу для себя лично. Пьяный облицовщик, переноса плитки, сильно порезался о них. Пьяный транспортировщик, перевоза груз на электрокаре, врезался в стену здания... И ведь что примечательно: пьяными они все оказались через два, три, четыре часа после начала смены. Пили, значит, находясь на работе, в цехе, где спирт выдается для технических нужд. И когда он используется не по назначению, это чревато большой опасностью. Но и начальники, и мастера тех цехов, где это происходит, тоже остаются безнаказанными.

...Представление о нарушении законодательства об охране труда прокуратура адресовала генеральному директору объединения. Я представлял себе, как неприятно будет читать представление ему — человеку, отдающему всего себя своему делу, своему предприятию. Человеку уважаемому, отмеченному высокими наградами. Но при всем том — и я не могу этого не сказать — отвыкшему от критики, считающему, что не нуждается ни в каких замечаниях. И подчас ему удастся отваживать тех, кто приходит туда с проверкой.

Мы не пошли на попятную, на уступки. И то, что не одному, а сразу девяти должностным лицам, виновным в несчастных случаях на производстве, прокуратура предъявила иски о возмещении нанесенного ущерба, будет и для них, и для других хорошим уроком.

— Сергей Павлович,— заметил я,— вы уже немало мне поведали историй и каждую заканчиваете одной и той же «моралью»: виновных в нарушении законов надо привлекать к материальной ответственности. С этим спорить не приходится. Но не возникнет ли другая опасность: если за нарушения наказывать лишь деньгами, а это акт чисто администраторский, то не окажется ли приниженной роль нравственного, общественного воздействия?

— Ни в коем случае,— ответил С. П. Чурин без всяких раздумий. И убежденно стал мне доказывать, что, во-первых, одно другого не исключает, а во-вторых, и сама материальная ответственность имеет моральную сторону: человеку становится ясно, что нарушение закона не останется безнаказанным. И коль уж поводом к только что рассказанной истории был гололед, то сам собой напрашивается каламбур: тому, кто покатился по скользкой дорожке, неминуемо грозит чувствительное падение.

Прокуратура, однако, не ударяется в крайности, не уповает лишь на силу денежных санкций, видя в них какую-то панацею. Некоторых нарушителей прокурор просит привлечь к дисциплинарной ответственности, к другим применить меры общественного воздействия — скажем, обсуждение на собрании трудового коллектива, в товарищеском суде.

— В конце концов, главным для нас,— заключил С. П. Чурин,— является отнюдь не «вселенское» наказание, а реальное устранение нарушений закона. И больше всего мы огорчаемся не тогда, когда кто-либо из руководителей игнорировал наше предложение о конкретном наказании, а когда нарушения, выявленные нами, продолжают. Такое, к сожалению, еще бывает.

— И можете привести пример?

— Пожалуйста.

КОЕ-ЧТО О ПСИХОЛОГИИ

На сей раз расскажу о проверке, которую проводил не сам, но некоторое отношение к ней все же имею. Потому что это была «операция» моего, можно сказать, ученика Алексея Клавдиевича Ляпина. Сейчас мы вместе с ним уже не работаем — его перевели в прокуратуру Ленинграда.

Почти три года был он у нас. В прошлом рабочий, строитель, заочно окончил юридический факультет. Сначала проходил у нас стажировку, потом стал помощником прокурора.

Так вот одним из первых его самостоятельных заданий была проверка соблюдения законодательства о борьбе с простоями железнодорожных вагонов на подъездном пути объединения, выпускающего сладкую продукцию для населения. Выявил

тогда Алексей Ляпин неприглядную картину. Средний простой вагона более чем в четыре раза превышал норму. Большие штрафы платило за это предприятие железной дороге. И все потому, что администрация этим делом по сути и не интересовалась. На первенство в соревновании оно не влияло, на премии руководству, следовательно, тоже, а штрафы спокойно списывались на убытки.

Позиция, конечно, антигосударственная. Помню, как Алексей возмущался: неужто, мол, генеральный директор объединения Берсенева не понимает, что задержанные под погрузкой и выгрузкой вагоны фактически изъяты из оборота, не могут перевезти нужную стране продукцию?

— Не совсем ты прав, Алексей,— вразумлял я его.— Все он, Берсенева, превосходно понимает: хозяйственник опытный. Но «своя рубашка ближе к телу», а за чужую не ему же расплачиваться. Зато если всерьез за дело браться, сколько дополнительных хлопот: строить новые склады или имеющиеся приводить в порядок, доставать или изготавливать средства механизации, подбирать кадры, налаживать дисциплину в транспортном цехе... Куда проще перечислить штраф. Местническую психологию не так-то просто переломить.

— Переломим,— горячился он.— Такое представление подготовлю...

Написал действительно очень толково и остро. Через некоторое время, как и положено, получили мы приказ генерального, план мероприятий. И Ляпин ходил довольный: сложное задание выполнено успешно, теперь дело пойдет на лад.

Ну а когда через год пришел туда с контрольной проверкой, выяснил, что дело обстоит... еще хуже, чем раньше. План мероприятий так на бумаге и остался, а простой вагонов да и штрафы увеличились чуть ли не вдвое. Никто из виновных в безобразиях не был привлечен к серьезной ответственности, хотя год назад начальнику юридического отдела объединения прямо было предложено: в каждом случае нарушения закона ставить перед дирекцией вопрос о возмещении ущерба за счет виновных. С каким сарказмом, помню, Ляпин говорил о беспринципности заводского юриста. И вспомнилось мне...

Когда я приехал на работу в Ленинград, вакансий в прокуратуре не было. Мне предложили поработать юрисконсультom предприятия. И тогда я на себе ощутил, что это за должность. Ох и непростая! Не содержанием работы — тут опытному специалисту все ясно. А тем, что все время меж двух огней крутиться приходится. Обжечься рискуешь то от одного, то от другого. И одинаково больно.

Закон, известно, для всех один: и для юриста, и для директора. Только юрист-то директору подчинен...

На своем заводе я начал действовать так, как привык в прокуратуре. Директор, правда, был человек бывалый, понятливый, на рожон не лез, к моим советам старался прислушиваться, хоть и выполнял их подчас скрепя сердце. Но когда меня вновь переводили в прокуратуру, как он радовался... за меня, конечно: вам, мол, Сергей Павлович, там и привычнее, и удобнее, не надо в командировки ездить. В полчаса оформили мне и увольнение, и расчет...

Извините, отвлекся я. А Алексею Ляпину тогда — не удержался от соблазна — напомнил с ехидцей: ну как, переломил психологию?

— Точка,— отрезал он,— теперь пусть пеняют на себя и Берсенева, и коммерческий директор, и транспортники.

Надо отдать ему должное: всю документацию на предъявление исков оформил мгновенно. Пищевики наши еще не успели опомниться от проверки, как получили судебные повестки.

Взялись за ум товарищи. Смотрю вот отчеты за прошлый год — совсем иная картина. Сверхнормативный простой вагонов сократился вдвое, а штрафы аж в семь раз! И при этом хоть немного — тысячку рублей, но все-таки взыскали с виновных.

Позвонил я Ляпину по телефону, сказал: «Вот теперь твою проверку можно считать завершенной. Убедился, что сильнее всего на местническую психологию действует? Рубль, незаконно полученный,— развращает, а законно отобранный — воспитывает».

— Но ведь далеко не все, Сергей Павлович, зависит от руководителя,— пытаюсь ему возразить.— Портят дело и грузчик, и кладовщик, и диспетчер. А денежки по иску прокуратуры выкладывают одни начальники.

— В точку попали,— смеется он.— Точно такие вопросы мне задают «обиженные» начальники. И я им отвечаю: «Что ж вы, товарищи дорогие, свое законное право не используете? Удержите из оклада того же недобросовестного кладовщика одну треть, и увидите, как в зеркале, самих себя». В подтверждение могу хоть сто историй рассказать. Но «мораль сих басен» будет одинаковая. Впрочем, не историю, а просто пример очень показательный все же приведу.

Повсюду, на любом предприятии, ежедневно выписываются товарно-транспортные накладные на перевозку всяческих грузов. И автопредприятиям дано право за неправильное оформление накладной в бесспорном порядке взыскивать с клиента в свою пользу семь рублей. Сколько этих «семирублевиков», как мы их называем, набиралось по району за год — не подсчитать. Складывались они в итоге в сотни тысяч рублей. И не в силу ведь каких-то действительных трудностей, а из-за элементарной небрежности, безалаберности, пресловутого «авось».

Занялись мы этими «семирублевиками» крепко. Заставили руководителей многих предприятий ударить своих разгильдяев по карману. И что же? За один год сократили эти потери в пять раз.

* * *

Я слушал Сергея Павловича и думал: он, работник прокуратуры, как бы един в десятках лиц. Он и контролер, и воспитатель, и пропагандист, и хозяйственник, и...

Его с полным правом можно назвать, скажем, участником крупномасштабного эксперимента, проводящегося сейчас в стране, ибо он жестко контролирует выполнение договорных обязательств предприятиями своего района.

Его можно считать скрупулезным экономистом, потому что он систематически занимается проверкой того, насколько правильно и бережно расходуются энергоресурсы, сырье, материалы.

Его можно назвать даже санитарным врачом: среди его забот — борьба за чистоту воздушного и водных бассейнов в районе, а в конечном счете — за здоровье населения.

Его, прокурора, можно, в конце концов, числить и адвокатом, так как он всегда защищает законные интересы граждан, придирчиво проверяя, как разрешаются их заявления и жалобы, не ущемляются ли их трудовые и прочие права на предприятиях, в учреждениях, в местных органах государственной власти и управления...

Сергей Павлович разрешил мне познакомиться с делами, хранящимися в его архиве. Их было так много, что я, честно признаться, чаще всего смотрел лишь на первые и последние страницы. На первые — чтобы знать, о чем идет речь, на последние — чем дела завершились. Кончались они в большинстве случаев так, как и должны были кончаться: виновные наказаны, законность восстановлена.

В таком длительном, но поневоле беглом просмотре и вызрел мой последний вопрос к Сергею Павловичу:

— Если большинство надзорных дел завершается достаточно эффективно, а значит, и нарушений закона становится меньше, то почему же, как вы не раз мне говорили, у вас с каждым годом прибавляется работы?

— А вот таков парадокс нашей жизни, — ответил он. — И это хороший, добрый парадокс, в нем нет каких-то роковых противоречий. Напротив, в нем отражается расширение нашей демократии. Контроль исполнения законов охватывает все новые и новые сферы экономики, обслуживания населения. Мы все больше проникаем в глубь явлений, в их корни и истоки.

...Да, разведка боем продолжается. Если снова воспользоваться военной терминологией, близкой сердцу бывалого солда-

та С. П. Чурина, то разведчики, выполнив свою ближайшую задачу, с «боями» продвигаются вперед и успешно решают последующие.

Ну а где же они черпают новые силы? У людей, которым С. П. Чурин и его коллеги помогают, которых они учат, наставляют, воспитывают на положительных и на отрицательных примерах в духе уважения к Закону.

Вот и прощаясь со мной, Сергей Павлович засобирался на очередную встречу «за круглым столом». Ведь чем лучше люди будут знать и соблюдать законы, тем больше у юриста станет соратников в борьбе за чистоту нашего советского образа жизни.

Лев Островский

КЛЮЧ С ДВУМЯ БОРОДКАМИ

...Перечеркнув очередной исписанный лист бумаги, подполковник милиции Х. И. Апачиди не глядя сунул руку в ящик стола. Однако там, где обычно должна лежать стопка чистых листов, было пусто.

— И бумаги на вас не напасешься,— с нарочитой строгостью заворчал он.

Собравшиеся в кабинете сотрудники уголовного розыска недоуменно уставились на начальника, но едва ли не тут же, сообразив, в чем дело, рассмеялись.

Подполковник удивленно приподнял голову, озадаченный реакцией подчиненных, и следом невольно улыбнулся сам: ситуация действительно получилась комичная. Увлечшись составлением оперативного плана поиска преступника, он совсем забыл, что находится не у себя в кабинете Главного управления внутренних дел Леноблгорисполкомов, а сидит за столом заместителя начальника 37-го отделения милиции майора М. П. Жаголки.

Не любил Апачиди работать в чужих стенах. И всякий раз, когда происшествие требовало на какое-то время «поселиться»

у коллег из района, чувствовал себя не в своей тарелке. Вроде ничем не отличаются комнаты — ни размерами, ни меблировкой (стол, диван, несколько стульев), тем не менее даже в обычной казенной обстановке складываются свои маленькие удобства, отвечающие характеру, стилю работы хозяина кабинета. Без этих кажущихся мелочей, привычных, как пачка «Беломора» под рукой, случается, что и работа не ладится.

— Вообще-то мне нужен ватман. Два листа. И клей. Найдутся? — обратился Апачиди к майору Жаголко.

Случившаяся сейчас маленькая заминка неожиданно дала толчок иному направлению хода его мыслей. Наверно, и ватман ему понадобился лишь для того, чтобы не потерять эту мысль, реально воплотить ее в версию — ту, которая бы логически, хотя, возможно, и не наверняка связала воедино некоторые бесспорные факты о совершенном минувшей ночью преступлении на Васильевском острове. Это происшествие подняло на ноги не только сотрудников районного управления милиции, но и уголовный розыск Ленинграда.

Преступник похитил из сейфа сберегательной кассы крупную сумму денег, билеты денежно-вещевой лотереи, револьвер. Похитил, не повредив ни окон, ни дверей, ни сейфа. Выгреб все, что мог. Скрылся, не оставив, как показал осмотр места происшествия, никаких следов, кроме раздавленного на полу кусочка сургучной печати. Не сработала и сигнализация...

Напрашивался вывод — не инсценировано ли хищение денег лицами, имевшими к ним доступ? Револьвер же они могли взять для того, чтобы направить расследование по ложному следу, создать видимость, что орудовал опасный преступник, которому важны не только деньги, но и оружие.

Подозрение пало на исполняющую обязанности заведующей сберкассой Муравьеву* и кассира по коммунальным платежам Жигулину.

Для подполковника Апачиди важным подспорьем в ходе поиска преступника неизменно остаются бумага и карандаш. Когда кто-либо из подчиненных начинает докладывать об очередном деле, подполковник, как правило, останавливает его: «Минутку!» Берет карандаш и выписывает: «что установлено», «что следует из этого».

Подчиненные привыкли к такому методу работы своего начальника. Сейчас вызвало интерес другое: какую информацию собирается он вместить в масштабы двух листов ватмана, которые только что склеил между собой и стал что-то на них вычерчивать?

* Фамилии некоторых действующих лиц, за исключением работников милиции, изменены.

Майор Марк Бадю, не желая прямо обнаружить любопытство, подтолкнул локтем своего друга капитана Георгия Камышенцева, подмигнул ему и спросил:

— Вам помочь, Харлампий Иванович, со «стенгазетой»? Хотя рановато ее еще выпускать — преступник-то на свободе...

— Со «стенгазетой» я и сам справлюсь. — Апаचиди насмешливо посмотрел на Бадю, разгадав его хитрость. — Подумай-ка лучше, как нам эту кашу расхлебывать...

Расчерчивая схему, он краем уха прислушивался к разговору, репликам подчиненных, возобновивших обсуждение необычного происшествия. Вот подал голос сотрудник уголовного розыска 37-го отделения милиции Игорь Чагодаев:

— Бадю утверждает, что работники сберкасы Муравьева и Жигулина не могли совершить преступление. Их поведение, дескать, вне подозрений. Но вспомним, как обнаружилось, что сберкасса ограблена. Произошло это минувшей ночью, а сегодня там предполагался внеочередной выходной. И тем не менее Жигулина пришла на работу. Зачем?

— Она же объяснила — и довольно четко. — Это рассуждал уже майор Владимир Иванов. — Вспомнила, что в сберкассах идет погашение облигаций, значит, соберутся у дверей люди. Прождут без толку — это же скандал... Спихватилась утром, пошла вешать объявление. И, как оказалось, спешила не зря: очередь уже выстроилась. Подошла Жигулина к двери, достала ключ, а люди ей говорят: «В сберкассе уже кто-то есть. Не залерто». Причем это подтверждено свидетелями. Дверь действительно была не на замке. Потом Жигулина и сама увидела, что открыта не только входная, но и ведущая в хранилище дверь. Открытым оказался и сейф... Зачем ей было разыгрывать этот спектакль? Могла бы вообще не появляться, что гораздо логичнее.

— Нельзя, по-моему, упускать один существенный момент, — вмешался в разговор майор Геннадий Страшнов. — Ни Жигулина, ни Муравьева в одиночку не могли совершить кражу. Не забывают — сейф открывается двумя ключами. Одновременно у одного работника сберкасы они находиться не должны. Таков порядок. Подобрать недостающий практически невозможно — замок сложной конструкции. Один ключ, мы знаем, остался с вечера у Жигулиной, второй — у Муравьевой. Вывод — сговорились? Но Муравьева в этой сберкассе — человек новый, временный, подменяла заболевшую заведующую всего лишь один день. Чтобы они так быстро вошли в преступный сговор — не поверю.

— Если тут орудовал «человек со стороны», то прекрасно осведомленный о режиме работы сберкасы, о содержимом сейфа, — заметил Бадю. — Преступник, обратите внимание на любо-

пытное совпадение, подгадал именно тот момент, когда в сберкассе поступила крупная сумма денег для оплаты погашенных облигаций. Опять же — несработавшая сигнализация. Случайность? Но, как говорит наш уважаемый начальник, случайность — одна из категорий закономерности.

— Пожалуйста, без ссылок на философию.— Апачиди поднялся из-за стола, про себя отметив, что в логике рассуждений Баду не откажешь.— Тут и к гадалке ходить не надо, чтобы наверняка знать, будут в сберкассе деньги или нет. О дне погашения объявлялось заранее в печати. Преступнику нетрудно было догадаться, что по этому случаю «завезут» деньги. Чувствую, что Баду сгорает от нетерпения узнать, к чему эта затея с бумажной простыней. Объясняю и прошу прощения, что не сказал раньше. Прежде нужно было осмыслить самому.— Апачиди показал на расчерченный ватман: — Вот что представляется занятым...

Члены оперативной бригады придвинулись ближе к столу.

— Перед тем как выехать сюда, я зашел в научно-технический отдел. Осмотрел вынутые из сейфа замки, выслушал мнение экспертов. В одном из разобранных замков эксперт-криминалист Тарасенко обнаружил две отломанные бородки от ключа! Выходит, сейф был открыт не ключом, изъятым нами у работников сберкаassy, а другим, сделанным не совсем удачно, но по его образу и подобию.

— Вот это и впрямь неожиданный поворот,— не скрыв своего удивления майор Александр Виноградов.

— Вот и получается, Баду мыслил верно: Муравьеву и Жигулину мы можем подозревать не больше, чем остальных. А их немало. Нельзя сбрасывать со счетов ни родственников, ни друзей, ни даже просто знакомых любого из работников объекта. Можно ведь допустить, что преступление совершено кем-то из бывших сотрудников, многие годы назад работавших здесь, либо кем-то из их окружения? Может оказаться, что преступник — лицо совершенно случайное, из ранее судимых за кражи, ведущих антиобщественный образ жизни... Но в любом случае этот человек каким-то образом хоть на время да заполучил ключи, знал шифр отключения сигнализации.

Масштабы поиска преступника неизмеримо расширялись. И чем шире становился круг подозреваемых, тем больше возростала вероятность затянуться расследованию.

— Итак, без прямого или косвенного участия кого-либо из работников объекта,— продолжал развивать свою мысль Апачиди,— это преступление совершить было бы невозможно. Наша задача — быстрее вычислить это лицо. Нельзя забывать — в руки преступнику попало оружие. Георгий,— обратился подполковник к капитану Камышенцеву,— бери бумагу. Пять ли-

стов, под копирку, для групп, которые займутся опросом лиц, имевших хоть какое-то отношение к сберкассе. Нужна информация по следующим вопросам...

Таких вопросов, анализ которых, по мнению подполковника, мог определить пути реального направления розыска, было отобрано двадцать семь — ни больше ни меньше. Исключи любой из них — картина была бы неполной. В свою очередь избыток сведений создает, как любит говорить Апачиди, «информационные шумы».

...Назначив старших групп и определив направление их работы, подполковник прошел в соседнюю комнату. Там старший следователь майор Василий Васильевич Беляев допрашивал исполнявшую обязанности заведующей сберкассой Муравьеву.

— Да за что же муки-то такие! — причитала она. — Не хотела я идти в эту сберкассу. Как сердцем чувствовала. Своей работы по горло. Начальство уговорило — только на один день. Заведующая Петрова заболела, так хоть закрывай сберкассу. А она и так была закрыта несколько дней. Людям неудобство. Ладно, думаю, выручу, как-то раз уже выручала... И выручила на свою голову. Не дай бог кому-нибудь еще такой день!

— Успокойтесь, Вера Васильевна. Давайте лучше вспомним вчерашний злополучный день с самого начала.

— Взяла я утром в центральной кассе вот этот самый ключ с двумя бородками, как вы его называете. Где, спрашиваю, другие, от дверей? Мне отвечают: будет Жигулина — они у нее. Жигулина была уже в кассе. Тут и старший кассир Дмитриева пришла. Жигулина дала ей и второй ключ от сейфа.

— А почему он был у Жигулиной?

— Так я забыла вам сказать, что Дмитриева, как и я, в тот день тоже вышла на подмену. Старший кассир с Гаванской — в декретном отпуске, а Жигулина должна была передать Дмитриевой второй ключ.

— А кассир по коммунальным платежам разве сам не имеет доступа к сейфу?

— Ни в коем случае. Я и Дмитриева открыли сейф, начали работать... Обедать пошли с ней в пельменную.

— А ключи?

— Закрыли сейф и ключи взяли с собой... Вечером привезли деньги для выплаты по облигациям. Положили их в сейф.

— Наган на месте был?

— И наган, и деньги, и ценные бумаги. Сейф опечатали. Она ключ отдала Жигулиной, второй остался у меня. Тут и уборщица явилась. Прибрала помещение, и в половине девятого мы все вместе вышли. Ключ от входной двери я отдала Жигулиной. И у меня остался только этот, с двумя бородками.

— Кто включал сигнализацию?

— Жигулина.

— Вы знали, что дочь Жигулиной работает в сберкассе уборщицей?

— Дочь? Впервые слышу.

— Не могло так получиться, что вы на какое-то, скажем, короткое время давали свой ключ Жигулиной?

— Не только ей, но и старшему кассиру Дмитриевой не могла дать. Два ключа сразу ни у кого не должны находиться.

«Не должны...— мысленно усмехнулся Апачиди, слушая внимательно объяснения Муравьевой.— Но ведь находились. Ведь кто-то сумел заполучить оба. И не только от сейфа, но и от всех дверей».

— Почему вы после работы не сдали свой ключ в центральную сберкассу? Зачем взяли его домой? Ведь в сберкассу на Гаванской вас направили только на один день, и двенадцатого октября вы должны были уже работать у себя.

— Спешила домой. Ключи собралась занести в центральную утром.

О том, что 11 октября оба ключа одновременно никому не передавались, подтвердили в своих показаниях и Дмитриева, и Жигулина.

Какие же обстоятельства свели мать и дочь в одной сберкассе?

— Моя дочь работает экономистом,— рассказывала Жигулина.— Я в сберкассе по совместительству убираю. Но самой на двух работах управляться тяжело — не девочка, чай, уже. Надя часто мне помогает.

— Дочь-то замужем?

— Нет и пока не была.

— Какие ключи вы брали домой?

— От всех дверей и один от сейфа.

— Наде их не передавали?

— Нет.

— Соседи по квартире не могли иметь к ним доступ?

— Не могли. Мы в гости друг к другу не ходим. А если отлучаюсь куда, дверь в комнату всегда запираю.

В свою очередь ответы дочери Жигулиной пищи для размышлений тоже не дали. Она сообщила, что никогда не видела сейф открытым либо оставленных в замках ключей. Подтвердила, что мать, уходя, включила сигнализацию, после чего все сотрудники покинули сберкассу.

Показаниям Муравьевой, Жигулиной, Дмитриевой можно было верить. И тем не менее они нуждались в проверке, в подтверждении.

...К концу второго дня работы оперативной бригады группа

капитана Николая Добровольского установила: один из жильцов дома, в котором размещена сберкасса,— Бардин — 12 октября возвращался домой из командировки в три часа ночи. Видел подходившего к дверям сберкассы мужчину, скрывшегося в подворотне дома.

Кого же видел Бардин? Преступника или случайного прохожего? А может быть, такого же запоздалого жильца из соседних домов? Факт этот так же заслуживал внимания...

Тем же вечером Апачиди узнал новость, от которой на какой-то миг показалось, что он в общем-то зря столь тщательно колдует над вырисовывавшейся на ватмане схемой. Полгода назад, докладывая ему майор Виноградов, бывшая кассир сберкассы Савкина утеряла все ключи, в том числе и от сейфа.

— При каких обстоятельствах?

— Говорят, будто сумочку срезали в автобусе.

— Кто дал такую информацию?

— Жигулина вспомнила, и другие ранее работавшие в сберкассе подтвердили.

— И ты поверил, что сумочку срезали в автобусе? На простаков рассчитано. Вспомни, сколько лет в Ленинграде не было ни одной «резки». Срочно разыщи Савкину и точно установи, при каких обстоятельствах произошла пропажа ключей. Да и теряла ли она их? Может проявиться еще одна версия. Приступай к ее обработке. Конечно же не один. Кстати, кто у тебя под рукой? Павлов из тридцать седьмого отделения? Скажи ему, пусть возьмет в центральной сберкассе дубликат утерянного ключа и срочно везет в научно-технический отдел.

В это же время следователь Беляев звонил эксперту Тарасенко:

— К вам доставят дубликат утерянного полгода назад ключа. Требуется экспресс-анализ на идентичность химического состава припоя его бородки с припоем на частях обломанной бородки, которую вы обнаружили в замке сейфа...

Сплошные загадки получались с ключами. А новая версия стала казаться еще заманчивее после того, как поступило второе донесение Виноградова. сумочку у Савкиной украли в ресторане «Балтика», где она была со своими знакомыми. Правда, с тех пор полгода прошло, поди теперь разберись, кто украл сумочку. Тем более что и в милицию по этому поводу она не обращалась. Но, если сумочку украли, есть ли связь между ее пропажей и событиями в сберкассе?

Многое мог прояснить разговор с Савкиной. Но в тот день она, отработав смену на заводе, уехала в гости. Куда — неизвестно. Во втором часу ночи об этом доложил Виноградов, тщетно продававший ее в заводском общежитии.

— Поезжай домой, отдыхай. А рано утром — к Савкиной. — Апачиди повесил трубку и, обращаясь к сотрудникам, собравшимся в кабинете, подытожил: — Здесь остаются Андрушевич и Поднозов. Остальные — по домам. Машины ждут.

— Харлампий Иванович, а я только чай заварил, — появился на пороге Бадю с литровой эмалированной кружкой в руках. Чай был кстати.

— А на улице, братцы, дождина. — Андрушевич поежился, согревая руки стаканом. — При опросе жильцов ряда домов в районе сберкассы дополнительных сведений о мужчине, которого видел Бардин, не получено. Группа работала до двадцати двух часов и закончит эту работу завтра. Кстати, беседовал я и с заведующей центральной сберкассой. О заведующей нашей сберкассой ее отзывы самые добрые. Тридцать лет в этой системе. И кассиром работала, и заведующей. Избиралась председателем местного комитета. Здоровье ухудшилось — попросилась на должность инспектора-ревизора. А тут — возраст предпенсионный. Снова на должность заведующей пришла. И вот такая история. Жалко, шишки-то в любом случае на нее посыпятся, — руководство все-таки. О Жигулиной тоже положительно отзывалась. Утверждает, что лично сама подозревать бы никогда ее не стала.

— Ну а по твоей группе что интересного? — Апачиди повернулся к майору Владимиру Поднозову, посвятившему сегодняшний день изучению документации и опросу работников сберкассы.

— Подняли мы приказы о всех назначениях и увольнениях. Опросили и установили тех, кто работал здесь за последние три года. Полученные данные перенесены на вашу схему, — развернул Поднозов ватман. Более двух десятков фамилий, около шестисот ответов на исследуемые вопросы... — Вырисовывается интересная картина. Обратите внимание на эту фамилию, — подсказал Поднозов.

— Ну-ка. — Апачиди склонился над ватманом и прочел: — Так, Герасикова Марина Леонтьевна. Исполняла обязанности заведующей на нашем объекте за несколько месяцев до кражи. Потом была переведена. В разное время имела доступ к обоим ключам сейфа. В итоге получается: к двум ключам имели доступ Муравьева, Петрова, Герасикова. Стало быть, каждая из них могла иметь отношение к случившемуся. Но по-прежнему неясна история с сумочкой Савкиной: действительно ли ее украли и кто-то воспользовался ключами без ведома хозяйки? Не исключено, конечно, что ключи Савкина не теряла и кража совершена ею или при ее содействии... Теперь опять вернемся к схеме, оценим окружение Муравьевой, Петровой и Герасиковой. Данные о Петровой, как уже говорилось, положительные.

— Да, — подтвердил Поднозов. — Дружная трудовая семья.

Муж — механик, туда же и сын пришел после школы — электрослесарем. «Мужики что надо», — говорят о них. Еще один сын служит в армии в Хабаровском крае... Так же и с Муравьевой все ясно. А вот Герасикова — разведена, но друга нашла весьма подозрительного, ранее судимого. И это, мне кажется, надо взять на заметку.

— Что же получается, — с удовольствием допивая уже третий стакан чая, резюмировал Андрушевич. — Итак, мы внесли в схему более двадцати человек. Шестнадцать из них четко отпадают. Из оставшихся четверых персональное внимание, похоже, надо уделить только двоим — Герасиковой и Савкиной. Так, что ли?

— Думаю, так, — согласился Апачиди.

Полчаса спустя все они спали: кто на стульях, кто в кресле, а кто и на столах. И только Баду успел устроиться на единственной раскладушке.

...Версия, связанная с ключами, похищенными у Савкиной, утром подверглась серьезным сомнениям. Припой, сообщив из НТО Тарасенко, по своему химическому составу не совпадали. Стало очевидным: сейф открывали не ключом, украденным в ресторане.

Не исключалось, однако, что мастер Крутов, изготавливавший ключи, пользовался разными припоями. В полдень ему были доставлены следователем Беляевым исследовавшиеся в научно-техническом отделе ключ и отломанные бородки.

— Чем могу служить? — Крутов размял пальцы морщинистых, жилистых рук.

— Вам приходилось делать ключи к сейфу сберкассы на Гаванской улице?

— На пенсии я. Считаю, десять лет уже. Но чуть что — вызывают. Для всего города приходилось делать, значит, наверняка и для них. Вы мне ключ покажите. Если мой — сразу скажу, когда и кому мастерил.

Беляев положил перед мастером ключ от сейфа.

— Да, моя работа. — Глаза Крутова горделиво блеснули.

— Абсолютно уверены в этом, Виктор Александрович?

— Я любую свою работу узнаю по обработке бородок, — произнес Крутов с оттенком обиды в голосе. — Да, вот еще что... Этот ключ я изготовил, когда в сберкассе кто-то утерял ключи. Тогда же внес изменения и в сам замок, чтобы старыми его уже не смогли открыть.

Версия о причастности Савкиной разваливалась полностью. Тогда Беляев положил перед Крутовым обломанные бородки.

— А что вы можете сказать об этих штуковинах?

— Сделаны кустарным способом. — Внимательно оглядев бородки, Крутов поморщился: — Непрофессионально сделаны.

— Почему так решили?

— Да потому, что по толщине одна бородка на полмиллиметра меньше другой. Я это на глаз, без микрометра вижу. Чего уж говорить... Да и припаяны были некачественно. Флюсу много, потому и обломались.

К моменту возвращения следователя в отделение милиции, где базировалась оперативная бригада, была вызвана Герасикова. Но прежде чем Беляев пригласил ее, Апачиди протянул ему листки протокола допроса:

— Василий Васильевич, вот показания Савкиной. Встретился наконец с ней Виноградов. И знаешь, что она сообщила... После кражи сумочки Савкина со своей бедой поехала, представь себе, к Герасиковой. И именно она надоумила Савкину сказать на работе, будто сумочку срезали в автобусе...

С этого эпизода и начали допрос Герасиковой.

— Да, это я ее научила,— призналась она.— Жалко девочку стало.

Что ж, чисто по-человечески это можно было понять. Перешли к разговору о делах семейных, поинтересовались, не проявлял ли муж Герасиковой повышенного интереса к ключам с работы.

— Я ведь в разводе с ним.

— Одна живете?

Герасикова потупилась, но тут же вскинула голову, не без вызова спросила:

— А если не одна, что с этого? Есть у меня мужчина вполне достойный. Не пьет, не курит. К сыну моему и дочери хорошо относится. Часы ей недавно купил. Работает электриком. Собираемся с ним оформить отношения, хотя он и на четыре года меня моложе.

— Что ж, коли хороший, то нам и говорить больше не о чем. Так, что ли, Василий Васильевич? — обратился Апачиди к следователю Беляеву.

Загадала загадку Марина Леонтьевна. Почему умолчала о том, что Степанов трижды судим? Не знала? Не исключено. Не знала, вероятно, и о том, что нынешней весной он уже собирался жениться на Галине Колесник, обговаривал это с ее родителями, которые дали на свадьбу полторы тысячи рублей. Степанов деньги израсходовал, а «невесту» выгнал. Не знала, видимо, Герасикова и о том, что незадолго до знакомства с нею Степанов пытался сблизиться с ее подругой по сберкассе Раисой Пудовой, но что-то у них не заладилось...

А тут еще очередной сюрприз из НТО: на ключах, которыми пользовались работники сберкасы, были обнаружены микроскопические частицы какого-то вязкого вещества. Утвердилось предположение — с ключей делали слепок. Еще два часа спустя

Тарасенко сообщил, что в качестве слепочного материала применялась оконная замазка... К разговору с Герасиковой предстояло вернуться более обстоятельно.

К вечеру участковый инспектор (его посылали проверить, действительно ли Степанов работает и как он там характеризуется) докладывал:

— Пока не работает Степанов, только устраивается. Но вот ведь вещь какая. Возвращаюсь я обратно и, грешным делом, по пути, дай, думаю, в универмаг загляну, обувка сыну требуется. Смотрю — Степанов. Покупает ботинки. Купленные одел, а те, что носил, в урну бросил. А они — добротные. Станным мне показалось это. Я их подобрал на всякий случай. Вот они. — Инспектор развернул сверток. — Непонятно вел себя человек. Решил проследить за ним: что же дальше станет делать? А он в отдел головных уборов направился, шапку бобровую за четыреста рублей примерил. Купил. К шубе женской дорогой приценивался...

В это же время позвонил Виноградов:

— Харламбий Иванович, Герасикова накануне кражи наведывалась в сберкассах. Заходила в служебные помещения. И в комнату, где на стене кодовый ящик сигнализации. Курила там. Я проверил: как и предполагал, дверцы ящика на замок не закрыты.

Определялось главное направление расследования — Герасикова и Степанов... Оставлять преступника на свободе было рискованно. Он мог понять, что кольцо сжимается, мог скрыться, пойти на еще более тяжкое преступление. Наган у него был боевой и с патронами. Необходимо было срочно задерживать Герасикову и Степанова, провести обыски.

Ближе к вечеру на углу Малого проспекта и 8-й линии Васильевского острова, где ожидалось появление Степанова, заняла позицию группа капитана Камышенцева. Переживая за подчиненных, подполковник и сам прибыл туда, не спеша вышел из автобуса, которым проехал три последние остановки. Проходя мимо Камышенцева, услышал: «Он в магазине».

В куртке, кепке, с осунувшимся лицом, подполковник ничем не выделялся среди отиравшихся возле магазина личностей. И воспринял как комплимент своему умению раствориться в толпе обращенные к нему слова женщины в фартуке, надо полагать, рабочей магазина:

— Вечно под ногами путаются. Только и думают, где бы на троих сообразить. — Наступая на Апачиди, она махала рукой водителю грузовика, который сдавал машину к арке. — Дайте наконец машине проехать. Милиции на вас нет, алкаши несчастные!

Отступив в сторону, Апачиди поймал краем глаза сигнал Камышенцева. Тот, делая вид, что приглаживает волосы, пока-

зал три пальца. И они уже появились из-за угла — действительно трое. Судя по приметам, тот, что в центре, высокий, одетый в кожаную куртку, и есть Степанов. «Руки у него заняты сетками с продуктами — это хорошо», — отметил про себя подполковник, не забывая, что у Степанова может быть с собой оружие.

— Осторожнее, братцы, яйца ведь у меня в сетке. — Это была первая реплика Степанова, когда его цепко схватили за руки, словно основной его заботой сейчас было именно это — донести до дому продукты в целости.

— Вы что же делаете, хулиганы? — услышал Апачиди визгливый крик за своей спиной. Круто обернулся — опять эта женщина в фартуке, несколько минут назад обругавшая его.

— Цыц, мамаша, — тихо, но внушительно сказал ей Степанов, — они — из уголовки...

«Чем объяснить такое самообладание Степанова? — размышлял подполковник. — Думает, что раз не было при нем оружия, отвертится? Абсолютно уверен в своем алиби? Один из задержанных — Баранов. Вор-рецидивист. Его не спутаешь, работает слесарем. Не он ли как раз и делал ключи?.. А второй?.. Он в окружении Степанова раньше не светился. Ладно, проверим — разберемся».

Второй, как оказалось впоследствии, никакого отношения к краже не имел.

Будут ли уже сегодня расставлены все точки, это зависело от многих обстоятельств, но прежде всего, как предполагал уголовный розыск, от поведения Герасиковой на допросе.

Апачиди долго размышлял, как повести с ней беседу. Начал сразу с жесткого вопроса: почему умолчала о судимости Степанова?

— Сознаюсь честно, скрыла правду. Поймите правильно: работа связана с материальными ценностями. Вот и боялась ненужных разговоров. Но он очень порядочный человек, хотя и судимый. Вы знаете, я тут болела недавно — так ухаживал за мной... Потом на рыбалку с ним ездили. В кино ходили, в театр. Знакомы каких-то полгода, а кажется, будто знаю его уже целую вечность.

— Марина Леонтьевна, — Апачиди вздохнул, — а ведь не так все это. Не потому вы умолчали о судимости Степанова, что разговоров лишних боялись. Вы его из-под удара выводили. Есть веские основания считать его причастным к краже. Смотрите, как получается. — Подполковник назвал даты, когда Герасикова попеременно носила домой оба ключа от сейфа. Таких случаев было восемь.

— Это совершенно ничего не значит, — прозвучал раздраженный ответ. — И кассир, и заведующая тоже имели дело и с

одним, и с другим ключом. А Жигулина? Да у нее больше оснований, чем у меня, грабить сберкассу. Ей деньги во как нужны — на кооперативную квартиру дочке собирает. Надеется еще замуж ее выдать. Надо же, какие ведьмы: позавидовали моему счастью. Как же — с двумя детьми, а такого парня отхватила, и наговаривают невесту что...

— Откровенно говоря, и мы сомневались вначале, а так ли уж непричастны ваши коллеги к ограблению? Проверили — и убедились: не имеют никакого они к этому отношения. Да и насчет вас не все поначалу складывалось. Преступник знал шифр, которым была закодирована одиннадцатого октября сигнализация. Откуда вам было знать его, если давно в этой сберкассе не работаете?.. А ведь его меняют. Но выяснилось: накануне вы были на Гаванской, имели доступ к кодовому устройству, стало быть, видели последний шифр.

— Я приходила деньги положить, — крикнула Герасикова. — Муж бывший алименты прислал. У меня на Гаванской сберегательная книжка заведена, можете проверить, еще когда работала там. Все недосуг было перенести вклад.

— И это проверили. Верно все это. — Апачиди прикусил усы, помолчал.

Откровенного разговора не получалось. Решил его прервать — пусть Герасикова думает... Ждал дополнительных сообщений от оперативных групп, проводивших уже обыски. Беседа продолжили через час.

— С ключей от сейфа, Марина Леонтьевна, взяты, между прочим, слепки с помощью оконной замазки. По ним изготовили ключ, бородки которого обломились и остались в замке. Минутку, это еще не все... У вас же дома обнаружена замазка, а вот в квартире Степанова при обыске нашли заготовку для ключа. Так как вы объясните эти совпадения?

— А что объяснять? При чем тут я, замазка, которая в каждой второй квартире припасена — зима ведь скоро... И при чем здесь Сергей? Он любит мастерить. Ремонтировал и старые телевизоры, и замки соседям, может, и ключ для них делал...

— А что, у соседей замки на дверях сейфовые?.. Заготовка у Степанова именно такая... Выслушайте: вы не задумывались о том, что нужны Степанову только как орудие преступления?

— Я запрещаю так со мною разговаривать.

— Ладно, оставим этот вопрос. На время... Ответьте тогда на другой: Степанов дарил вам что-нибудь в последнее время?

— Нет... А какое это имеет значение?

— Какое? Установлено, что как раз в дни после кражи в сберкассе Степанов приобрел себе вельветовый костюм. Вам это известно. Купил еще и две шубы — каждая по пятьсот рублей.

Это уже вам, вероятно, неизвестно. Как и то, что одну он отдал сестре, а вот вторую подарил своей знакомой. Может, и вам шубу дарил? В октябре?..

— Это неправда! У него, кроме меня, никого нет. Да и откуда у него такие деньги?

— Разумеется, не от продажи старых телевизоров, которые он скупал, ремонтировал и перепродавал через комиссионку...

— Ну и что, зарабатывал своим трудом.

— Согласен. Но от таких заработков шубами всех ведь не одаришь. А теперь опять вернемся к прежнему вопросу: для чего вы ему понадобились?.. И еще заметьте: вашей жизни угрожала серьезная опасность. После кражи вы стали для Степанова опасным свидетелем. Кража-то совершена не без вашего участия.

Герасикова разрыдалась. Ее и без того неприветливое лицо стало просто некрасивым.

— Я знала, знала, что он не женится на мне. Он считал меня старой.— Герасикова посмотрела на подполковника.— Мне ведь уже тридцать... Но мне так хотелось удержать его!..

— Хватит, пожалуй, о личном. Вот вам лист бумаги, и изложите все как было.

Герасикова замолчала, вытерла слезы.

— Хорошо, напишу. Я напишу все как было.

А часа два спустя Апачиди и Беляев познакомились с ее «исповедью»:

«...Познакомились со Степановым в июне на танцах... Потом я стала у него жить... Потом ключи, я приносила их домой, то один, то другой... Степанов шутил — хорошо бы сберкассе ограбить, расписывал, опять же как в шутку, как это можно сделать. И разбогатеть. Сразу. Потом всерьез предложил. Расписал красивую жизнь и убедил...

В мастерскую ходили вместе, заказали ключи от дверей. Ключи от сейфа в мастерской делать отказались. Степанов сказал, что найдет человека. Слепки делали у меня дома, использовали ту самую оконную замазку...

...Ночью пошли к сберкассе — днем я побывала там, посмотрела блокировку. Степанов прошел вперед, я встала за телефонной будкой. Когда он приблизился к сберкассе, со стороны Большого проспекта появился мужчина. Степанов свернул в подворотню, а мужчина вошел в дом. Выждав немного, мы подошли к сберкассе. Я стала открывать дверь. Ключ заело, но Степанов все же открыл ее.

Договорились, что возьмем деньги только в том случае, если в сейфе будет не меньше сотни тысяч. Там было меньше. «Не будем сегодня брать, подождем еще». — Степанов стал закрывать сейф. И тут ключ сломался — сейф закрыть уже было нель-

зя. Взяли деньги, облигации, лотерейные билеты. Сложили в сумку. Я посмотрела в окно — никого...

По **Большому** проспекту дошли до улицы Шевченко, опять же никого не встретив. Дома связали всю разменную монету в брезентовых мешочках в старую скатерть, унесли и выбросили в Смоленку. Там неподалеку, на стройплощадке, развели костер, сожгли сумку и сберкассовские баулы для денег.

Утром Степанов сложил деньги в трехлитровые банки, оставив себе несколько пачек. Я взяла рублей пятнадцать... Наган сунул в карман. Собрался уходить прятать банки. У двери остановился, стал шарить по карманам. Спросил пять копеек на метро. Еле нашли монету и долго смеялись, вспоминая, как ночью спустили мешок в реку, в котором лежали тысячи штук разных монет... Часа через три зашел ко мне в сберкасса и ушел. Я поняла, что все в порядке, деньги спрятаны. Вечером убеждал: тебе бояться нечего. Даже если дознаются, он меня не выдаст...»

Степанов полностью отрицал причастность к краже в сберкассе. На вопросы следователя, касавшиеся его алиби, отвечал уверенно:

— Вечером зашел к Паше Баранову... Смотрели телевизор, Паша подтвердит... Закончилась передача — пришел домой. Легли спать. Встал поздно. Пришел на работу к Марине. Потом пошел в магазин за продуктами, вернулся домой.

И все-таки с убедительностью фактов, которыми располагало следствие, Степанов не мог не считаться:

— Я могу, конечно, допустить, что, пока спал, Марина без меня куда-нибудь ходила. Но тогда с нее и спрашивайте и деньги, и оружие.

«Это уже похоже на запасной маневр.— Подполковник с любопытством оглядел Степанова.— Решил подставить ее под удар — да так, чтобы самому остаться не у дел?..»

— Что произошло у вас с Колесник?

— И об этой дуре дознались. Должны были с ней расписаться. Да она не приехала. Позднее, при встрече, выяснилось, что напилась в тот день. После этого наши отношения покатились...

— А к Герасиковой? Относились к ней иначе?

— Прилипла... Через три дня после знакомства я при свидетелях ее послал... Взбрыкнула и ушла. Прихожу домой — у порога стоит. Слезы, всё такое... Я ей прямо: во-первых, у тебя дети, денег — кот наплакал, нечего нишету разводить.

— Так прямо и сказали?

— Не церемонился.

— Ушла?

— Стала убеждать, мол, ошибаюсь, у нее много денег, и на все хватит, если останусь с ней. Выходит, брала меня на содержание, если женюсь. Выполнит все мои желания. Ну, машина, кооператив... И все сразу после женитьбы...

«Мерзопакостный ты, однако, тип». — Подполковник искренне пожалел, что должность не позволяет сказать это вслух.

— Ладно, Степанов, давайте по делу.

— Ну, если по делу... Может, точно, пока спал, Марина успела побывать в сберкассе. Как-то просила меня изготовить ключи для сберкассы, где работала. Согласился. Сделал болванки. Кстати, они дома у меня лежат. Могу показать. Да испугался потом: ищи, говорю, другого дурака. Доделывать не стал, а она и не просила. Сделала на стороне, может, ключи? Потом случай был на Смоленском кладбище. Гуляли там с ней. А на одной могиле надпись: «Марина Герасикова». Она тогда чего-то надумала. «Если придется что прятать, спрячу здесь, лучшего места не найти. Будто сама сторожить буду». Может, с каким халем заделала все — и туда?..

«Неужели Степанов решил указать тайник, сдать деньги, наган, чтобы мы глубоко не копали, и свалить все на Герасикову? Похоже, мысль о запасном маневре не лишена смысла. Стоит подыграть ему. На кладбище, пожалуй, надо ехать немедленно...»

— Драпануть, наверное, рассчитывает, вот что я вам скажу,— рассуждал невозмутимо подполковник Антифоров.— Кладбище для этого самое удобное место. Да еще почти ночь сейчас, опять же дождь проливной. Может, утром?..

— Во-первых, вы для того и едете, чтобы не драпанул. Главное в этой поездке — как он поведет себя, что задумал?..

Возвращения оперативной группы Апачиди ждал долго. Нервничал. Позвонил домой. «Опять?» — услышал укоризненный голос жены. Что мог ответить? Да, видимо, опять на всю ночь работа. Да и не он один уже третьи сутки забыл домой дорогу. Сыну Баду сегодня вручали паспорт. Просил сын отца присутствовать на этом торжестве. Не получилось, забыл даже поздравить по телефону.

— Нет на кладбище такой могилы,— прервал его размышления появившийся на пороге Андрушевич.— Вымокли, как цуцки. Водил, змей, от одной могилы к другой. А на плитах ворохи листьев — осень. Разгребали, искали надпись. Полкладбища расчистили — без толку. Когда решили, что хватит, новую идею подбросил: Марину, мол, привезите, с ней-де легче будет найти. Очень уж упорно хотел, чтобы привезли ее. Тоже, видать, психолог... Ночь. Кладбище. Могилы. Не намек ли ей готовил — молчи!

...На другой день группа водолазов обследовала дно реки

Смоленки в том месте, где, как показала Герасикова, были выброшены упакованные в скатерть монеты. Искали тщательно, более четырех часов, но ничего не нашли — дно было сильно засорено металлом и разбитыми железобетонными конструкциями.

Очередной допрос Степанова опять не дал результатов. Помня, что на месте происшествия преступник впотьмах наступил на обломок сургучной печати, следователь спросил Степанова, не могут ли быть на подошвах его ботинок, доставленных участковым инспектором, микрочастицы сургуча. Степанов ответил категорически: «Нет!» И даже сострил по-своему: «Тут уж ваши эксперты меня не подведут».

Такая абсолютная уверенность основывалась на чем-то серьезном. С ботинками получалась явная неувязка. И в том, что эксперты на их подошвах действительно ничего не обнаружат, Апачиди теперь не сомневался. Нужно было срочно решать эту задачу.

Оставалась неразрешимой по-прежнему для членов оперативной бригады и другая задача: где спрятаны деньги, где находится наган? Герасикова на вопросы ответить не смогла. И тут ей можно было верить.

«12 октября, отвозя прятать похищенное, Степанов отсутствовал более трех часов.— Подполковник снял с авторучки колпачок.— Брал деньги на метро... Это детали существенные и должны учитываться в розыске тайника.

Степанов куда-то ездил. Прикинем: час в один конец, час — зарыть деньги... Зарыть — всего вероятнее, ведь использовались закупоренные стеклянные банки. Час на возвращение. Три часа... А если все не так? Если тут же — рядом с домом, на чердаке, в подвале? А затем те же три часа — кино, знакомые... И все же предпочтительнее первое предположение, учитывая, что у его отца есть садовый участок за городом. Вроде и далеко, а езды с час. Место нелюдное, надежное и удобное. Спрятанное всегда под рукой».

На садовый участок выехала поисковая группа.

— Весь участок перекопали. Пробовали использовать металлоискатели — безуспешно, — сообщал по радиации старший группы капитан Камышенцев.— Приборы гудят — участок как нащигован железками всякими. Так что? Копать теперь соседний?

— Копайте, если разрешат хозяева.

— Разрешают, и даже с удовольствием. Я уже спрашивал. Предлагали даже заплатить, решив, что мы у Степановых на халтуру подрядились...

— Ладно, смех смехом, а тайник надо искать. Хоть заново все перекапывайте.

Как и предполагал Апачиди, научно-технический отдел не обнаружил следов сургуча на ботинках Степанова. Подполковник

решил снова побеседовать с Герасиковой. Затем вызвал Виноградова, срочно отправил на берег Смоленки, где преступники уничтожали улики, попросил привести к нему Степанова. После последней беседы с Герасиковой он был уверен, что разгадал его.

Предложил Степанову «Беломор». Закурили. Степанов поглядывал на подполковника, ожидая вопросов. Подполковник молчал. Вот и по второй папиресе выкурили... Пауза затягивалась. Тишину оборвал зуммер телефонного аппарата. Подполковник резко взял трубку.

— Говорю уборщице на пирсе,— услышал он возбужденный голос Виноградова,— что же это вы за порядком не смотрите? Не убрано тут у вас... Она оправдываться: болела я, сынок. Вот последние пять дней и не убирала. Молодец бабуса!

— Нашел?

— Везу... Протоколом оформил, как положено, с понятыми.

Подполковник бережно положил трубку на рычаг, пристально посмотрел на Степанова:

— Правы вы были, Степанов. На ваших ботинках, как ни трудились наши эксперты, сургуча не нашли... Да, перекопали садовый участок вашего отца, но...

— И тоже ничего не нашли,— быстро перебил Степанов.

— Пока не нашли,— уточнил подполковник.— Сейчас соседке вашей помогаем, вскапываем, так сказать, и ее участок.

— Разрешите? — В кабинет заглянул Виноградов с пакетом в руках.

Подполковник кивнул утвердительно.

— А теперь, Степанов, продолжим серьезно. Вернемся к ботинкам. На тех, что нашел участковый, и впрямь ничего интересного не оказалось. Не оказалось потому, что не в них вы были в сберкассе — в других. В тех, что выбросили в Смоленку, когда костры на берегу жгли. Оба выбросили, а вот в воду попал только один. Второй на пирсе лежал. Досегодняшнего дня. Явный недолет у вас получился. Уж на нем-то сургуч наверняка сыщется. — Апачиди взял из рук Виноградова пакет и извлек из него ботинок.

Потом опять все молчали. Курили тот же «Беломор».

— Пусть не копают все подряд,— процедил наконец Степанов, — я укажу место сам: деньги точно зарыты на участке соседки, там же и наган.

...На дне одной из трехлитровых банок, выкопанных на участке, была обнаружена связка ключей еще от одной сберкассы — той, где до ареста работала Герасикова...

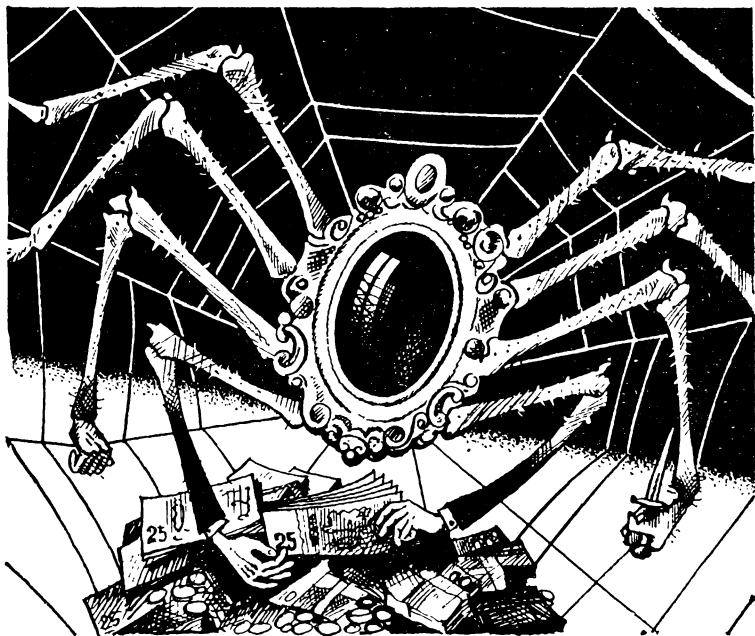
...Висела по-прежнему за окном полоса осеннего, такого призывного ленинградского дождя. И видимо, это он навевал грусть, несмотря на столь удачно завершенное дело...

Оперативник с почти двадцатилетним стажем, подполковник Апачиди прекрасно представлял, какую огромную работу проделали за минувшие четверо суток его подчиненные, его товарищи. Все они заслуживали добрых, теплых слов. Но в уголовном розыске не привыкли к сантиментам. Да и не в словах нуждались сейчас его бойцы, а в хорошем отдыхе...

Потом он опять вспомнил дело, его суть, его сердцевину... Нелепая, заранее обреченная попытка женщины вымолить себе любовь, добиться счастья любой ценой — даже переступив черту, за которой теряешь право на понимание, на сочувствие. И это справедливо.

Валерий Волков

ДВА ДЕЛА ИЗ ПРАКТИКИ СУДЬИ ДЬЯКОВА

РАСТЛЕНИЕ

В метро был тихий «послепиковый» час, утренняя толпа пассажиров схлынула разом, словно по команде, и Дьяков, шагнув из вагона под своды опустевшей станции, еще издали заметил мальчугана, разыгравшегося на эскалаторе. С отчаянной решимостью тот пытался подняться по лестнице, размеренно катившей вниз.

Вечно суровая дежурная на этот раз, казалось, даже не замечала беспорядка на своем участке — отвернувшись от эскалатора, о чем-то оживленно болтала с молоденькой женщиной, по видимому матерью маленького нарушителя. Конечно, картина была необычной, но отнюдь не она сама по себе привлекла внимание Дьякова. Замедлив шаги, он хватко присматривался к процессу игры, еще не зная толком, зачем ему это понадобится.

Аналоги — странная вещь. Порой они возникают там, где и не ждешь. Так и сейчас: глядя на мальчишку с его безнадеж-

ной затеей, судья Дьяков вдруг со всей очевидностью понял логику уголовного дела, над которым он тайком от сослуживцев бился уже вторую неделю. Вот ее-то и не доставало — четкой логической мысли, позволяющей охватить одним взглядом длинную вереницу событий и поступков, собранных под толстенными папками.

Кажется, все там было, что должно быть, и даже в избытке: полтора десятка статей Уголовного кодекса высвечивали это дело со всех сторон, и следствие поработало на совесть, и все необходимые экспертизы неопровержимо доказывали то, что им надлежало доказать.

Терзания Дьякова упирались в личность подсудимого: как мог очень неглупый, весьма одаренный от природы человек на протяжении десятка лет идти от одного преступления к другому? Не для того ли разум, чтобы осмысливать свои действия? Или, в конце концов, элементарный инстинкт самосохранения — должен же он подавать сигналы бедствия и тревоги!

И вот здесь, в метро, в эти редкие минуты затишья Владимир Иванович Дьяков внезапно увидел свое новое дело будто изнутри — логика преступлений в нем заключалась в том, что совершались они вопреки здравому смыслу и самой логике. Мысль, быть может, и не нова. Но это было именно так — движение... против движения. Оттого и не укладывалось в привычную схему рассуждений: чтобы понять человека, безрассудно шагающего сразу через несколько страниц Уголовного кодекса, где что ни строчка — свои оценки и последствия, надо представить себе его карабкающимся по лестнице, которая неизбежно и неминуемо скатывается вниз...

* * *

Виктор Петрик считал себя человеком красивым во всех отношениях и жить любил красиво. Изящно обставленная в стиле ретро квартира, где новейшие «безделушки» двадцатого века — видеоманитофоны, компакт-кассеты, стереоколонки и прочие достижения техники отнюдь не противоречили тонкому вкусу хозяина, а наоборот, как бы подчеркивали нетленную красоту и ценность старинных вещей. Картины в массивных рамах — исключительно подлинники. Неяркий блеск благородного металла — никаких «под бронзу» или «под серебро», только натуральные изделия.

Гостей Петрик принимал со сдержанным достоинством, терпеливо давая им возможность насладиться увиденным, осознать и прочувствовать всю значимость их визита. Он и сам любил иногда выйти в свет, поговорить о новых работах знакомого художника, побывать у коллекционеров, при этом бдительно следил, чтобы ничья другая слава не затмила его посещения.

Но больше всего на свете Виктор Петрик любил самого себя. Эта любовь зародилась еще в детстве, росла вместе с ним, а когда детство кончилось, стала той властной, упрямой силой, которая подчиняла волю и разум.

Это она, неумная любовь к себе, вылилась наконец в единственную желанную формулу: стать исключительной личностью. И, покоряясь ей, он уже заранее любовался собой будущим — сверхсильным, незаурядным, обладающим множеством каких-то неведомых достоинств.

Оставалось лишь создать себя — на манер незатейливой песенки — «таким, как я хочу».

Год проучился в военном училище, потом вдруг заявил педагогам-офицерам: обнаружил у себя склонности к телепатии — военная служба может загубить редкий дар. Поступил на факультет психологии университета, занимался гипнозом, защитил диплом в Институте имени Бехтерева. И тотчас распрощался со своими наставниками от медицины. Еще год — знакомство с учением йогов, затем два года — усиленные занятия каратэ. Набор супермена составлял программу-минимум, но были и другие далеко идущие планы: Петрика влекло в мир искусства. Что-то, видимо, опять обнаружил у себя и все теснее примыкал к среде художников, реставраторов, антикваров.

Его встречали в мастерских и раскланивались — уже примелькался, стал своим. Примечали на выставках, в домах творчества. Круг знакомств исподволь делал свое дело: удалось закрепиться в городском комитете художников — хотя бы на профсоюзном учете; появились нужные связи у коллекционеров — а ведь там посторонних не жалуют.

Новую орбиту Петрик осваивал с легкостью иллюзиониста. Представлялся по-разному, в зависимости от контингента: «доктор психологии», «профессор искусствоведения», «известный гипнотизер» и даже «полковник секретной службы». Голос его постепенно приобрел мягкую бархатистость, ухоженная борода отняла интеллигентность, в манерах угадывалась порывистость творческой натуры, а иногда — великодушная снисходительность мэтра, а порой — и «тщательно скрываемая» военная выправка.

Он сотворил себя, как скульптор лепит фигуру, шаг за шагом продвигаясь от замысла к воплощению. Он остался доволен своей работой — считал, что время потрачено не зря. Пора было приниматься за другие дела.

Это потом, в ходе следствия и на судебных заседаниях, будет установлено и подсчитано, что за двенадцать лет Петрик никогда не занимался общественно полезным трудом; прозвучат слова, так не вяжущиеся со старательно вылепленным обликом, — «паразитический образ жизни». А пока фортуна улыба-

лась своему баловню, теплые лучи удачи согревали его: Петрик делал деньги.

К тому времени он уже свободно ориентировался в мире нужных ему людей — познал спрос и предложения, приценился к антиквариату, выявил сильные и слабые стороны бесчисленных своих приятелей. Не составляло особого труда выманить у кого-либо из них приглянувшуюся картину, обнаружив в ней несуществующие пороки, а потом выгодно продать другому, искусно подчеркнув все достоинства этого редкого произведения. Одна такая операция приносила «профессору искусствоведения» легкий доход в сотни, а если повезет — то и в несколько тысяч рублей.

То были поистине сеансы массового гипноза: Петрик объявлял подлинник неумелой подделкой — стоимость картины резко падала, прекрасно сохранившееся полотно — нуждающимся в срочной реставрации, а примитивную копию — шедевром, только что присланным «оттуда».

Читателю, не слишком искушенному в тонкостях искусства, могут показаться невероятными подобные манипуляции в профессиональной среде. Но вспомним, сколько разных течений и веяний наполняют творческие круги. Порой не всякому опытному мастеру под силу определить, где верх у иного произведения. А отличить копию от оригинала — случается задача и того сложнее. В этих ситуациях, очевидно, полагаться на оценку сведущего человека бывает надежнее, нежели руководствоваться лишь собственным мнением. Как бы то ни было, а несколько страниц убогистого текста в уголовном деле, отведенных хронике купли-продажи, и многочисленные иски «потерпевших» наводят на мысль, что этим искусством Петрик овладел в совершенстве: его «чистая прибыль» составила около 200 тысяч рублей. Тут и суди — то ли искуситель был коварен, то ли живописцы оплошали...

Но вернемся к нашему повествованию. Вот-вот в нем должны появиться новые действующие лица. И то правда: что это мы все о Петрике да о Петрике! Пора познакомиться с его ближайшим окружением. Оно уже сложилось — старательно подобранное, готовое следовать за своим кумиром в огонь и в воду.

Братья Шепсенвол, Александр и Леонид... Один — студент Педиатрического института, другой — инженер-радиотехник Ленконцрта. С таким нескрываемым восторгом рассматривали братья музейное убранство его квартиры, такой преданностью горели их глаза, что Петрик безошибочно определил: эти пойдут за деньги на что угодно. И — приблизил их к себе. Позволял делать уборку в комнатах, бегать в магазин за продуктами, протирать бархоткой новенькую «Волгу». Как знак особого доверия вручил братьям ключ от квартиры — один на двоих.

От них Петрик узнал о существовании некоего Михаила Романова, у которого, оказывается, имелась добытая где-то милицейская форма. И — тоже решил приблизить нужного человека. Потом компанию пополнили Алексей Сутурин и Андрей Ерофеев — в их достоинствах еще предстояло разобраться.

С какой же целью группировались они вокруг Петрика, рьяно старались заслужить его благосклонность? Во всяком случае, не из любви к искусству. Хотя произведения живописи продолжали играть немаловажную роль. Но об этом знал пока только Петрик.

Новое окружение не представляло особой загадки. Все вместе и каждый порознь были одинаковы в своих устремлениях. Красивая жизнь, приоткрывшаяся им за дверью чужой квартиры, казалась пределом мечтаний. Довольный покровитель небрежно хлопывал по плечу — смотрите, учитесь, следуйте за мной, и все блага будут у ваших ног.

Он натаскивал их, как молодых волчат. Ненароком сообщал, что бывали очень занятные случаи ограбления богатых коллекционеров — и никакая сигнализация не спасала. Вспоминал о визитах к своим знакомым: ах, какие прелестные вещицы хранятся за плотно зашторенными окнами! Тут же поведал, что с его связями легко можно сбыть с рук любые ценности.

Долго разглагольствовать не пришлось — волчата рвались в дело. Они уже и впрямь напоминали маленькую стаю, опьяненную жадной успехом.

Тогда Петрик изложил программу действий. Живут в Ленинграде два старичка, братья-пенсионеры, обладатели редчайшей коллекции картин русских художников XIX—XX веков. Все полотна они завещали государству. Квартира под сигнализацией. Старики осторожны, посторонних в дом не пускают. Зато добыча — во сне не приснится...

Склонились над планом квартиры. Вот ванная, куда нужно быстро и бесшумно затолкать стариков. Вот комнаты. Картины следует вырезать из подрамников специальными ножами. Брать можно все подряд — подделок там не держат. На упаковку в мешки — пять минут. Машина будет ждать за углом.

Так же деловито обсудили, что нужно иметь при себе: лейкопластырь, резиновые перчатки, веревки, фонари... Небольшие топоры, обмотанные изоляционной лентой, чтобы сподручнее было наносить удары. «Но лучше обойтись без этого, — поморщился Петрик. — Вряд ли старики способны сопротивляться».

Распределили роли. В квартиру проникают двое. Михаил Романов — в милицеской форме, под видом нового участкового, а вслед за ним — Александр Шепсенол, одетый и загримированный под сантехника.

В намеченный день все у них шло, как задумано. Уже топ-

тался в прихожей Романов, тщательно пытаясь сдержать дрожь в руках. Стояла в обусловленном месте машина. Запаздывал только «сантехник». И эта непредвиденная задержка решила исход дела. Братья-пенсионеры заметили, что «участковый уполномоченный» явно тянет время. Заподозрили неладное — и под благовидным предлогом выставили его за дверь...

— Нечего было резину тянуть, — раздраженно бросил Петрик, когда ему позвонили по телефону. — Спугнули, теперь к ним не сунешься.

Но отказываться от задуманного не хотелось. Слишком привлекателен куш. Снова и снова прокручивал детали, взвешивал каждый шаг, пока не убедился: в его расчетах ошибки не было. Значит, виноваты исполнители. «Трусливые слюнтяи, — подвел он итоги размышлений. — Учить, учить надо, как юнцов...»

Решил еще раз попытать удачу — конечно, не сразу, не сейчас. О своих намерениях не сказал никому ни слова. И раздражение подавил в себе — опять стал улыбчив, общителен, словно ничего не произошло. Но за настроением команды следил чутко. Видел, что алчность не пропала, нет, к ней добавилось желание исправить промах, вернуть доверие своего покровителя.

Нет смысла рассказывать подробно обо всех деяниях, которые творили «Петрик и компания». Некоторое время занимались шантажом. С изощренной изобретательностью травили какую-то знакомую одного знакомого художника, вымогая у нее деньги или картины. Другого знакомого, который имел неосторожность чем-то помешать Петрику, пугали по телефону разными карами, а когда угрозы не подействовали, подожгли ночью его машину. Не гнушались и элементарным воровством, если подворачивался случай. И все-таки жили надеждой: все это мелочи перед тем, что может придумать шеф. Лезли из кожи вон, чтобы ускорить этот день. И дождались.

— Вернемся к нашим старичкам, — объявил Петрик. — Упустить такой шанс нельзя. Вряд ли они ожидают, что мы повторим попытку. И уж наверняка не ждут, что используем тот же прием. Вот на этом и сыграем.

— Гениально, — выдохнул Шепсенвол-младший, выражая общую оценку. Одобрительным гулом встретила это известие вся компания.

— Но никакой спешки, — осадил их пыл покровитель. — Вторая осечка недопустима.

Новый план лишь немногим отличался от предыдущего. По-прежнему в квартиру должны проникнуть двое, только теперь — оба в милицмейской форме. Выбор пал на Сутырина и Ерофеева, поскольку они не «маячили» раньше возле дома. В подкрепление в облике сантехника Петрик больше не верил. Но на этот раз двое других — он указал на Шепсенвола и Рома-

нова — предварительно перережут на лестнице провода, выведя из строя сигнализацию. Когда картины будут упакованы; Сутурин раздвинет шторы на окне — условный сигнал для машины.

...И снова на улице Чайковского появились оборотни. Вторую форму раздобыл незадолго до этого Сутурин, а приделать к ней фальшивые лейтенантские погоны было не так сложно.

И опять осторожные братья-коллекционеры оказались хитрее грабителей. Чуть приоткрыв дверь на цепочке, один из них затеял долгие переговоры с пришельцами — зачем да почему, а другой тем временем позвонил из дальней комнаты в милицию.

Когда через несколько минут прибыла группа захвата, «лейтенант» был еще на лестничной площадке, а «сержант», увидев приближающуюся машину, кинулся во двор и пытался втиснуться под занесенный снегом «Запорожец».

Оттуда его и извлекли.

* * *

Уже через несколько дней старший следователь 2-го отдела Следственного управления ГУВД Алек Романович Морозов понял, что не будет это дело ни легким, ни скоротечным. Задержанные охотно признавались в том, что и без того было очевидно. Да, хотели ограбить стариков-коллекционеров. Нет, никаких физических действий против них не замыслили. Топорики? Только для того, чтобы вынимать картины из рам: кто их знает, как они там закреплены? Без особой надежды на успех попробовали убедить следствие, будто в последнюю минуту вообще отказались от своего намерения. Ничего из этой попытки не вышло — ну и ладно, больше к ней не возвращались.

Каждый новый факт давался следователю с трудом, лишь тогда, когда от него уже не отвертеться. Но и это было бы еще полбеды. Морозов чувствовал, что дерзкая вылазка на квартиру среди бела дня — не случайна. За ней угадывалась цепь событий, подготовка, хорошо продуманная организация дела. А вот роль лидера ничуть не прояснилась. Замысел ограбления приписывался то Шепсенволу, то Романову. Оба старательно изображали из себя главарей, хотя видно было невооруженным глазом — выгораживают, затеяют главную фигуру.

Это было столь же очевидно, как и то, что подлинный лидер всей компании — Виктор Петрик. Достаточно сравнить его с остальными. Да что там сравнивать — их в один ряд не поставишь. Но интуицию, как говорится, к делу не пришьешь. И оба они прекрасно понимали это — и следователь, и подследственный.

Шла какая-то странная игра в прятки — вроде и не прячась. Морозов знал, что Петрик приоткрывает ему себя чуть-чуть —

ровно столько, сколько надумал приоткрыть, тщательно готовясь к допросу. Петрик в свою очередь знал, что Морозов понимает это — и приглашал вести предложенную игру. По его, Петрика, правилам. Немножко признавался в спекуляции — азарт, знаете ли, коллекционера, трудно удержаться. Кто ж виноват, что есть дурни, готовые продать картину за бесценок. Шантаж? Ну что вы, невинные шутки приятелей. Возможно, увлеклись, потеряли чувство меры. О готовящемся ограблении знал, не отрицаю. И вины своей не снимаю. Можете занести в протокол — крепко виноват, что не отговорил их. Хотя — это уже не для протокола — вряд ли послушались бы...

После допросов Морозов долго листал разбухающее на глазах дело. Чертовщина какая-то: эпизодов в нем накапливалось все больше, а следователя не покидало ощущение, будто он не продвинулся ни на шаг. Он даже не мог толком сказать, о чем это странное уголовное дело. Что главное в нем? Попытка ограбления? Но она взялась не сразу, не вдруг. Широко поставленная спекуляция картинами? Тогда для чего возникли в окружении Петрика все эти Шепсенволы и прочие?

Морозов догадывался, почему он топчется на месте. Ни в одном групповом эпизоде не было прямого присутствия Петрика. Покровителю теплой компании не откажешь в уме и осторожности: всякий раз он оставался в тени, выдвигая вперед своих ретивых помощников.

Лишь однажды Петрик должен был появиться сам. Эта история во всех деталях занесена в уголовное дело, и Морозов окрестил ее, как ювелирный магазин, — «Изумруд».

...Из Москвы приехала давняя приятельница Петрика, Наталия Садкова. Сообщила, что есть надежный человек, который интересуется драгоценными камнями, особенно изумрудами. Торговаться не любит, все операции завершает сразу: полный расчет на месте. У Петрика был подходящий изумруд — отчего бы не проверить выгодную сделку?

Договорились о встрече — в сквере возле ТЮЗа. Петрик и тут остался верен себе: до мелочей продумал меры предосторожности — смену такси во время поездки, переговоры с покупателем, форму расчета. Старался предугадать все, вплоть до возможного обмана — с этими гастролерами надо держать ухо востро. И все-таки перед выездом посетовал Леониду Шепсенволу:

— Что-то не нравится мне эта история с камушком.

— Давай я съезжу, — с готовностью отозвался тот. — Замечу что подозрительное — сразу позвоню.

Он поехал на встречу вместо Петрика, прихватив с собой изумруд и твердо усвоив условия продажи: не меньше четырех тысяч.

Там, в сквере возле ТЮЗа, Леонид Шепсенвол был задержан с поличным сотрудниками БХСС.

Да, это был редчайший случай, когда Петрик намеревался сам завершить сделку. Уловки на этот раз не помогли — чуть позже задержали и его, как владельца изумруда.

...Что же было в распоряжении следователя Морозова? Груда разрозненных, не стыковавшихся между собой эпизодов? Даже по характеру преступления они плохо выстраивались рядом. Морозов раскладывал их в хронологической последовательности, группировал по составу участников, перетасовывал, как колоду карт, и все искал, искал невидимую связь между ними. Конечно, он не предполагал и не мог предполагать, что несколько месяцев спустя такую же задачу поставит перед собой судья Дьяков. Правда, цели у них были разные. Дьякову не приходилось доказывать заново причастность Петрика к цепи преступлений — к тому времени это сделало следствие. Судье необходимо было понять логику поведения, разложения личности, чтобы определить степень виновности, следователю — логику поступков, чтобы нащупать единственно верный путь к истине.

И он нашел правильное решение. Для начала попробовал вообще исключить фигуру Петрика из списка «действующих лиц» — словно того и не было. И что же? Все эпизоды дела не то что рассыпались — они стали невозможны в том составе участников. Морозов даже изумился: до чего все просто! В одном случае — только Петрик, он один знал адрес и расположение комнат в квартире, в другом — только его приятель мог подъехать на машине к условленному месту, в третьем — только Петрика, владевшего драгоценным изумрудом, искали в Ленинграде заезжие гастролеры. Со всей очевидностью напрашивался вывод: без него не состоялось бы ни одно из этих преступлений.

Это уже было нечто. Опираясь на такую схему, Морозов смог решить и другую задачу: установить и доказать, что именно Петрику принадлежит главная роль в подготовке и организации преступлений.

И хотя долго еще продолжался напряженный поединок следователя и «супермена» с примесью гипнотизера и живописца, логика фактов приближала неотвратимый финал. Куда девалось сытое самодовольство «исключительной личности» — перед майором Морозовым сидел трусливый, изворачивающийся делец, тщетно пытающийся свалить на своих сообщников все грехи.

Многолетние потуги возвыситься над окружающими, занять особое место в жизни сыграли свою роковую роль и в уголовном деле: его действительно «выделили» среди остальных — как «соучастника многих преступлений в форме их организатора».

И это было последнее перевоплощение оборотней.

Когда Владимир Иванович Дьяков начинал в Невском районном суде этот процесс, он, вопреки своим привычкам и практике, обратился к присутствующим с вступительным словом.

— Мы приступаем к рассмотрению дела, не совсем обычного и по объему, и по контингенту подсудимых. Вы убедились в этом сами. Представляется очень важным не только установить степень виновности каждого, но и вскрыть причины — почему эти люди, вполне обеспеченные, образованные, воспитанные в благополучных семьях, стали преступниками...

Он адресовал этот вопрос составу суда, свидетелям, подсудимым. Каждому из них предстояло ответить на него. Каждому — но прежде всего самому Дьякову. Готов ли он к этому?

Пожалуй, Дьяков отыскал самое емкое слово, отражающее суть всего происшедшего. Растление... Да, это уголовное дело — о растлении личности. О том, как человек сознательно направлял свои способности, энергию, одаренность на цели низменные, недостойные звания человека. И это было страшным в своей сути растлением самого себя. О том, как растлевал он молодые, неокрепшие души, разжигая в них стремление к стяжательству и наживе. О праздном и никчемном образе жизни, порождающем только одну необратимую силу — разрушение.

Обо всем этом Дьяков мог бы рассказать, открывая судебный процесс. Но он не торопился высказать свою точку зрения. И не потому, что не любил длинных речей. Очень хотелось послушать — что же скажут другие...

Невский районный народный суд приговорил:

Петрика В. И. — к 11 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима;

Шепсенвола А. И. — к 10 годам, Шепсенвола Л. И. — к 5 годам, Романова М. В. — к 10 годам лишения свободы.

Всех — с конфискацией имущества и других ценностей.

ОБЕЩАНИЯ ГЕРТРУДЫ ИВАНОВНЫ

Спускался вечер. Универмаги на Невском устало пропускали редееющие потоки покупателей. За окнами ресторанов настраивали инструменты невидимые музыканты. Вдоль Фонтанки спрашивали билеты в БДТ.

В этот погожий час, когда дневная суeta улиц сменялась размеренной сосредоточенностью, Гертруда Ивановна неторопливо подвела своих спутников к симпатичному дому в центре города:

— Вот оно, ваше гнездышко. Квартира на третьем этаже, окна во двор. Ничего, что северная сторона? А то можно подыскать что-нибудь другое.

И медленным взором скользнула вдоль улицы, будто прицениваясь по-хозяйски. Завороженные ее взглядом спутники тоже внимательно осмотрели улицу и остались довольны увиденным.

Дня через три Гертруда Ивановна ждала гостей дома. Нет, это были не недавние спутники. На сей раз пожаловала другая супружеская чета, хотя предмет разговора не изменился:

— Слышала, что нужна квартира. Могу помочь. На Московском проспекте устроит? Тогда считайте, что дело сделано. Надеюсь, с условиями вы знакомы?..

Да, гости были ознакомлены с условиями и, покидая приветливую хозяйку, оставили на туалетном столике небольшой тугой сверток.

Прошло еще несколько дней. Слесарь завода художественного стекла Николай Зыкин, привычно набрав номер, скороговоркой сообщил:

— Гета Ивановна, тут мои сослуживцы насчет квартиры интересуются. Нужна двухкомнатная. С условиями я их познакомил.

— Коля, я же просила — не по телефону...

— Виноват, Гета Ивановна. Уж очень они загорелись, прямо невтерпех.

— Ну хорошо, привози бумаги и... В общем, как обычно.

Кто же она такая, всемогущая Гертруда Ивановна, и что за таинственные условия непременно сопутствуют ее не менее таинственным переговорам?

Ответ звучит неожиданно буднично, прозаично, но — увы! — иного слова не подберешь: мошенница.

Вот написал — и словно где-то в забытом сундуке наткнулся на нечто ветхое, давным давно вышедшее из обихода. Это в наш-то просвещенный век — мошенничество? Да где же взять его питательную среду — дремучее невежество?

Однако Владимир Иванович Дьяков вносит поправку в мои размышления:

→ Нынешние мошенники вполне современны, бабушкиными сказками давно не пользуются. Их арсенал — «достать», «устроить», «сделать»... Подыгрывают на дефиците, а чаще — намекают на какие-нибудь обходные пути к достижению цели. Неплохие, между прочим, психологи. Но Гертруда Ивановна ни в какое сравнение не идет, — похлопывает Дьяков по объемистой папке уголовного дела. — Это мошенница экстра-класса.

И мы углубляемся в бумаги.

...Можно ли спекулировать квартирами? Нет, не с точки зрения закона — реальна ли сама подобная возможность? Наверное,

но для этого как минимум надо иметь квартиры или способы их приобретения. У Гертруды Ивановны Вайспапир была одна-единственная, хотя и двухкомнатная, приобретать же ей, инженеру нефтемаслозавода, было негде и нечего. Многое можно получить из нефти, но отнюдь не комнаты и прихожие, не кухни и лоджии — это ясно даже неспециалисту. Но она твердо знала, что есть немало желающих «свить уютное гнездышко» любыми средствами, лишь бы побыстрее. А коли так — значит, откликнутся на всякое заманчивое предложение. Важно только, чтобы все выглядело солидно, убедительно и чуть таинственно.

Когда план в общих чертах созрел, Гертруде Ивановне понадобился компаньон. Не бегать же ей самой по городу в поисках клиентуры! Нужный человек нашелся. Николай Зыкин, давний знакомый. Помнится, однажды «подзадержался в отпуске» дней на сорок, и Гертруда Ивановна через своих приятелей «сделала» ему больничный лист. Коля оказался на редкость отзывчивым: за услугу притащил ей домой тяжелую хрустальную вазу, два кубка и одну пепельницу. О том, что вещи непокупные, Гертруда Ивановна смекнула сразу и подумала: «Какой проворный паренек!» Как и следовало ожидать, он с полуслова вник в ее тонкий замысел, переполнился восхищением перед изобретательностью своей приятельницы и заверил ее: «Да я этих желающих сколько угодно организую. Очередь установим! Люди состоятельные, не поскупятся...»

Наметили таксу: за однокомнатную квартиру брать четыре с половиной тысячи, за двухкомнатную — семь тысяч рублей.

— А как же это, жилье-то, Гета Ивановна? — в последний момент усомнился Зыкин. — Где его брать-то?

— Негде брать, Коленька. Но это — не твоя забота. Все переговоры — на меня.

С новой ролью Николай Зыкин освоился легко и быстро. Где намеком, а где и напрямую поговаривал, что у его влиятельной знакомой есть родственники, которые занимаются распределением освобождающихся квартир. И можно, дескать, за определенную сумму в течение года стать новоселом.

Слушателей находил, не покидая рабочего места, — прямо на заводе. И вскоре к Гертруде Ивановне зачастили гости. Они везли ей характеристики жилой площади, справки о прописке (помните: чтобы все выглядело солидно!) и непременно — свертки. В зависимости от разгоравшегося аппетита свертки эти отличались по размеру: одни были потоньше, другие — солиднее, с явной претензией на большой метраж и удобную планировку.

Для Вайспапир и Зыкина наступили золотые времена.

Но надолго ли? Пустыми обещаниями и приятными разговорами — при всей обходительности Гертруды Ивановны — далеко ли удастся отодвинуть неминуемую развязку?

Я листаю и нахожу в нем нехитрые уловки современной мошенницы, явно оттягивающей время. Вот телеграмма откуда-то с юга — приболела, задерживаюсь, не обессудьте... Вот липовая справка на клочке бумаги, «официально извещающая» будущего новосела, что желанный ордер ему выдадут «после 30 марта». Никакой, разумеется, печати и очень уж приблизительный обратный адрес — «управление горжилотдела». Расчет на простаков? Нет, такая игра долгой быть не может.

Главный расчет Гертруды Ивановны был в другом. Тянуть можно долго, потому что, даже разуверившись, далеко не каждый побежит куда следует с заявлением: «Я дал взятку, а меня обманули...» Что ж, психологически точно. И все-таки — не бесконечно же?!

Наконец нахожу в деле поистине кульминационный момент. Старший мастер завода художественного стекла Н. М. Головки, прождав год понапрасну, стал наседать на Зыкина: верните деньги. Тот — к Вайспапир.

Нетерпеливому мастеру Гертруда Ивановна позвонила сама.

— Ну хорошо, — произнесла устало, — завтра приезжайте за ордером. И кладовщицу Игнатьеву захватите с собой, ей тоже все готово.

— В исполком? — обрадовался Головки.

— Нет, ко мне на нефтемаслозавод.

Они встретились возле проходной. Гертруда Ивановна отвела их в техническую библиотеку и там поведала: «Я не могла вам сказать по телефону. Мой дядя — генерал в отставке, сейчас ответственный работник исполкома. Это он помогает мне во всем. Извините за недомолвки, но, сами понимаете, такая служба...»

— А где же ордера? — дрогнувшими от волнения голосами спросили Игнатьева и Головки.

— Ордера готовы, уже с утра были у меня. Но вышла невязка: их... неправильно заполнили. Перепутали ваши адреса. И дядя просил, чтобы у технических работников не возникло никаких сомнений, надо добавить еще пятьсот рублей.

Когда этот эпизод всплыл в судебном заседании, голос «потерпевшего» опустился до полупшепота.

Строгий Дьяков едва сдерживал усмешку:

— Вы что же, всерьез полагали, что ответственные работники исполкома берут взятки?

— Ну, что вы! — обеими руками отмахивался Головки. — Конечно нет. Но думал, знаете, преувеличивает Гертруда Ивановна насчет дяди-генерала, а вот в жилищном управлении у нее наверняка кто-то есть. Так убедительно все обставляла! Даже документы требовала, а если неправильно оформлены — воз-

вращала на переделку. Она ведь у меня потом еще пятьсот рублей взяла, просто займы. Разве откажешь?

Да, в чем не откажешь Гертруде Ивановне — так это в артистизме и самообладании. Кажется, вот он — критический момент: впору либо прятаться, либо деньги возвращать. А она не только в очередной раз выходит сухой из воды, но и извлекает из острой ситуации еще тысячу рублей!

Кстати об извлечениях. За несколько лет «квартиродатели» сумели заполучить со своих клиентов свыше 60 тысяч рублей.

Суд квалифицировал действия Вайспайр как «мошенничество, совершенное особо опасным рецидивистом». И срок заключения ей назначен максимальный — одиннадцать лет, с конфискацией имущества. Ее сообщник Зыкин приговорен к пяти годам лишения свободы.

Почему «особо опасный» рецидив, думаю, читателю понятно. Действия подсудимых не только «причинили значительный материальный ущерб гражданам» (я цитирую приговор), но и подрывали авторитет советских органов, по сути своей являлись злостной клеветой на них. Эту особую опасность подчеркнул в судебном процессе и В. И. Дьяков, указав, что «все происшедшее приобретает социальное звучание». На скамье подсудимых были не просто мошенники — это люди, порочащие наш строй, расшатывающие у окружающих веру в честность и справедливость, подстрекающие их к нарушению законодательства. Преступники получили по заслугам.

Неясно читателю может быть другое: почему подсудимых оказалось только двое? Разве не ответственные перед законом люди, дающие взятки?

Безусловно ответственные. Вся эта «пострадавшая часть» отнюдь не вызывает ни жалости, ни сочувствия: они знали или должны были знать, что пытаются обойти и нарушить закон, что пути выискивают нечестные, преступные. И беспомощные их оправдания — мол, считали, что квартиры кооперативные, поэтому не взятку давали, а как бы взнос выплачивали, — вряд ли убедили бы следствие и суд.

Тут необходима иная оговорка. Чтобы взятка считалась взяткой, она должна быть передана должностному лицу, от которого зависит решение вопроса (да простят мне юристы столь произвольное толкование соответствующей статьи). От Вайспайр, как выяснилось, ничего не зависело, да и не собиралась она никому и ни в чем помогать. А отсчитать несколько тысяч мошеннице, которая не знает точно, как называется учреждение, ведающее распределением жилья, — это, согласитесь, еще не взятка. Хотя уточнение наше ничуть не обеляет дававших. Несли-то они взятку, да получилась не взятка — вот ведь с каким

сарказмом насмехается порой жизнь над любителями сомнительных побед!

...Признаюсь честно: если бы только из намерения предостеречь чересчур доверчивых людей, не стал бы я извлекать на свет божий Гертруду Ивановну Вайспапир. Тем более что сама по себе доверчивость — черта отнюдь не отрицательная. Но разве с ней столкнулись мы в этом деле? Нет, здесь совсем другое. Люди сознательно шли на нарушение закона, прекрасно ведая, что творят. Они искали тропинки и лазейки в обход существующих правил. А Гертруда Ивановна искала именно таких людей. Вот они и встретились — по закону взаимного тяготения. И доверчивость тут, право же, ни при чем. Тут иное — они доверяли ей, как сильной сообщнице. Потому и тугие свертки несли, и расписок не брали, и ждать готовы были хоть год. Вроде и одного корня оба слова, а смысл — совершенно разный. И толкование мошенничества в Уголовном кодексе как преступления, совершенного «путем обмана или злоупотребления доверием», справедливо и приемлемо лишь к самой Вайспапир, но не к прочим соискателям порочных путей.

Да, скамьи подсудимых им посчастливилось избежать. Однако поразмыслить здесь есть над чем. А поразмыслив, продолжить разговор, начатый в зале суда, непосредственно в трудовых коллективах. Ну хотя бы на заводе художественного стекла — неужели заводскую парторганизацию и администрацию не интересует всерьез, почему их работники с такой легкостью поддаются действиям, идущим вразрез с законом? Напомним, так сказать, в порядке поступления предложений: электромонтер В. Прокопенко, старший мастер электроцеха В. Лисов и его знакомая Г. Кудрявцева, старший мастер цеха обработки Н. Головки, кладовщица А. Игнатьева, шлифовщица А. Аствацатурян... Для одного предприятия, прямо скажем, перечень удручающий.

Напомним также, что сообщник мошенницы Н. Зыкин за оказанную услугу — фиктивный больничный лист — расплачивался полновесной продукцией завода художественного стекла: вазой, кубками, пепельницей... Не этот ли хрустальный звон стал первым аккордом их затянувшейся песни?

Юрий Кириллов

БИБЛИОТЕЧКА
НА СТРАЖЕ
ЗАКОНА

**НЕ УЙТИ
ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

НАТАЛЬЯ ГОЛОВКО
БЫТЬ ХОЗЯИНОМ

ЛЕВ ОСТРОВСКИЙ
РАЗВЕДКА БОЕМ

ВАЛЕРИЙ ВОЛКОВ
КЛЮЧ С ДВУМЯ БОРОДКАМИ

ЮРИЙ КИРИЛЛОВ
**ДВА ДЕЛА ИЗ ПРАКТИКИ
СУДЬИ ДЬЯКОВА**

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

Лениздат · 1985

25 коп.